

**ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИНИНА**

Черный нарцисс

Валерия Вербинина

Черный нарцисс

«Автор»

2009

Вербинина В.

Черный нарцисс / В. Вербинина — «Автор», 2009

ISBN 978-5-699-37512-7

Никогда не стоит возвращаться в прошлое, но так трудно устоять перед искушением вновь встретиться с человеком, которого ты когда-то любила... Именно поэтому автор детективных романов Виктория Палей пришла на вечер встречи одноклассников. Она не видела всех этих людей много лет, но совсем не соскучилась, ведь это подруга Вера отбила у нее Сергея, а его сестра Вероника активно помогала... Вскоре после вечера убили одного из одноклассников, и следствие выяснило: преступление в точности повторяет описанное в одной из книг Виктории. Что это – вызов или часть какой-то изощренной игры?

ISBN 978-5-699-37512-7

© Вербинина В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерия Вербинина

Черный нарцисс

Все события, персонажи и имена, а также названия заведений в этом романе являются вымышленными. Любые совпадения с реальностью – не более чем случайность.

Глава 1

Если в вашей жизни стали слишком часто появляться люди из прошлого, проверьте на всякий случай, не было ли у вас за океаном троюродного дедушки-миллионера, который назначил вас своей наследницей.

Виктория как раз заканчивала главу, когда зазвонил сотовый. Номер был ей незнаком, и она решила не отвечать, однако через несколько минут телефон зазвонил снова. Нехотя она взяла трубку.

– Алло!

Пауза, и затем несмелое:

– Виктория?

Нет, невидимая собеседница вряд ли ошиблась номером, и это явно был не один из этих дурацких телефонных опросов, что вошли в моду последнее время. Где-то Виктория уже определенно слышала этот голос, только вот где?

– Простите, вам кого? – почти машинально спросила она.

И так же машинально отметила про себя, покосившись на экран компьютера, что в последнем абзаце в одной фразе два раза подряд идет слово «был», и, стало быть... стало быть...

– Виктория, это Вероника Брагина.

Бах. Приехали. Она распрямилась на стуле, чувствуя где-то под ложечкой противное покалывание, словно там поселилась ледяная игла. Вот так всегда – сидишь, сочиняешь книгу, и вдруг откуда-то мягко и беззвучно на тебя обрушивается пласт прежней жизни. В виде чего угодно – старой фотографии, голоса из трубки, лица, мельком увиденного на улице...

Той жизни, которую она, к слову сказать, вовсе не хочет вспоминать.

– До свидания, – сухо сказала Виктория. – Вы ошиблись номером.

Нажимая на кнопку отбоя, она уже знала – понимала – предчувствовала, – что телефон неминуемо заверещит снова. И опять на дисплее высветится тот самый номер.

Виктория хотела отключить сотовый совсем, но вспомнила, что ей должен позвонить ее врач. Кроме того, подобный поступок был в чем-то сродни признанию своего поражения, а Виктория терпеть не могла проигрывать.

– По-моему, я ясно дала тебе понять, что не желаю с тобой общаться, – бросила она в трубку.

Если бы Вероника обиделась на ее тон и прекратила разговор, это вполне устроило бы Викторию. Однако из динамика донесся лишь сдержанный вздох.

– Ты на меня сердисься? – спросила невидимая Вероника. – До сих пор?

– Ты звонишь мне, чтобы узнать об этом? – парировала Виктория.

По правде говоря, у нее не было никакого желания отвечать на заданный вопрос.

– Нет. Я звоню, чтобы пригласить тебя на вечер встречи.

– Какой еще встречи?

– Бывших учеников 11-го «Б».

Виктории внезапно стало скучно. Даже ледяная игла растаяла. Конечно же, это одно-классники, которыми все бредят последнее время. Собираются вместе олигарх Иван Иванович, бомж Петр Петрович, писательница Виктория Палей и журналистка Вероника Брагина. Пытаются общаться, делают вид, что их до сих пор что-то объединяет... Но все это вздор, потому что их и раньше ничто не объединяло, кроме чисто формального признака, того самого одиннадцатого «бэ». Помнится, в младших классах бытовала милая такая шутка: «а» – алкоголики, «бэ» – бандиты, «вэ» – воры. Это были еще советские времена, которые кое-кто ухитряется вспоминать как благополучные. Ну что ж, у каждого есть право на ностальгию.

И на антиностальгию, если уж на то пошло.

– Мне это неинтересно, – отрезала Виктория.

Однако ее собеседница не отступала.

– Все устраивает Сергей, – сказала она. – Он очень хочет, чтобы ты была. Катя Корчагина прилетит из Лондона... И Гена будет. Помнишь Гену? Он когда-то был всерьез в тебя влюблен...

Однако Викторию было не так-то легко сбить с толку.

– С тех пор он уже три раза женился, – напомнила она. – И столько же раз развелся.

– Только два, – поправила ее Вероника.

– Что – два?

– Два раза развелся, я имела в виду.

И Виктория с досадой подумала, что, наверное, это чисто журналистское – такое вот внимание к совершенно несущественным мелочам.

– Откуда у тебя мой номер? – неожиданно спросила она.

– Коля дал.

Виктория поморщилась. Ну да, Коля. В сущности, она и сама могла бы об этом догадаться. И зачем она тогда вообще пошла в тот магазин?..

... – Виктория! Это ты?

Она обернулась, встретилась взглядом с говорившим. На полголовы ниже ее (высокая Виктория по привычке первым делом отмечала про себя рост собеседника). Блондин с неопределенными чертами, молодой, но уже весьма плешивый. Внешность обыкновенная, если не сказать обыденная. Зато глаза вмиг выделяют его из толпы – веселые, живые, располагающие к себе. Настолько, что сразу же забываются и низкий рост, и два подбородка, и сияющая лысина на макушке.

– Коля? – неуверенно спросила она.

Бывший одноклассник Коля Лапин всплеснул руками. Объявил, что наверняка разбогатеет, раз она сразу его не признала, и поклялся, что узнал ее моментально, едва она вошла в компьютерный салон.

– Значит, не быть мне богатой, – улыбнулась Виктория, пожимая плечами.

Коля сделал большие глаза и тотчас же вскричал, что приметы – зло и доверять им ни в коем случае нельзя. Он трещал и сыпал словами. Ощупывал Викторию взглядом с головы до ног и обратно. Заметил, что она осталась такой же, как и прежде, и вслед за этим поведал, что она чертовски похорошела. Спросил, как ее дела, и, не дожидаясь ответа, принялся рассказывать о своих. Он жаловался на кризис, на произвол рекламщиков и на то, что хороших журналистов никто не ценит. Произнес тысячу слов, которые ровным счетом ничего не значили, и десять тысяч, которые значили еще меньше. Между делом выяснилось, что у него новая квартира в престижном районе, купленная совсем недавно, и что бывшая жена замучила его с алиментами, которые он по неизвестной причине не желает ей платить.

– А ты пишешь? Это здорово! Я видел твои книжки, но ни одной не читал, честное слово! Надо бы мне исправиться, конечно. – Он хохотнул. – Только вот не любитель я дамских детек-

тивов, увы! Не твоя целевая аудитория. – Тут он оживился. – Слушай, а может, пообедаем вместе? Или поужинаем? Тебе нравится японская кухня? Я тут знаю один ресторанчик – пальчики оближешь!

Но Виктория не хотела ни обедать, ни ужинать. И даже предложение взять у нее интервью для журнала не вызвало у нее должного отклика. Не то чтобы Виктория была равнодушна к славе и тому, что принято называть пиаром – просто она отлично знала журнал, в котором работал Коля, и понимала, что ни один писатель не появится на его страницах до второго пришествия (а уж после него – тем более). Это было модное глянцево издание, посвященное тому стилю жизни, который многие именуют гламуром, но который Виктория называла хламуром. Люди всегда интересовали ее сами по себе, вне зависимости от того, какие украшения они носили и какие тусовки посещали, и она никогда не забывала, что все эти бриллианты, модные вечеринки, лейбломания – лишь мишура, игрушки для взрослых. И когда брошенная бизнес-леди плачет ночью в подушку, ее слезы ничем не отличаются от слез любой другой женщины, которую разлюбили.

– Ты видела Сергея? – спросил Коля.

Нет, она его не видела. Впрочем, она слышала, что у него все хорошо, да так, что лучше просто быть не может.

– Ну, это с какой стороны поглядеть, – весьма двусмысленно отозвался журналист. – Хотя да, он сейчас о-го-го как высоко взлетел. А Диму помнишь? Я тут недавно узнал, что он в монахи ушел, представляешь? Это он-то! А про Леню Решетова слышала? Допился до чертиков, говорят, и бросился под поезд. – Он вздохнул. – А ведь какая светлая голова была! Я у него, помню, всегда математику списывал.

Виктория молчала, глядя на витрину. Почему-то все эти подробности о ее бывших одноклассниках вызвали у нее только одно желание – уйти. Уйти и никогда больше не встречаться ни со словоохотливым журналистом, ни с другими учениками из их класса.

– Ты что-то хотела купить? – спросил Коля, заметив ее взгляд.

Она собиралась выбрать новую клавиатуру, но журналист и тут не пожелал ее оставить. Он проследовал за ней к прилавку, громогласно обличил все имеющиеся в наличии модели, мимоходом дал понять продавцу, что цены завышены несусветно, а хозяин магазина – жулик и ничтожество.

– Я бы на твоём месте не брал эту дрянь, – два или три раза повторил он Виктории.

– Мне нужна самая обычная клавиатура, – сдержанно ответила она. – Только и всего.

Прежде чем попрощаться, Коля таки заставил ее сказать номер своего сотового, занес его в память телефона и пообещал, что обязательно ей позвонит. Они еще встретятся и вспомнят старые добрые времена.

– Все-таки столько лет жизни вместе провели! – жизнерадостно говорил он. – Большинство браков такое время не держится! Что ни говори, а одиннадцать лет – не шутка!

– Десять, – поправила его Виктория. – Как раз когда мы учились, произошел переход с десятилетки на одиннадцать классов. Помнишь, перевели нас сразу на два класса вперед, а учебники все были пронумерованы по-старому?

– Какая у тебя память! – умилился Коля и даже руку ей поцеловал. – Вот блин, а я все забыл! Ну, до скорого!

...Зная Колю, она могла поклясться, что это «скоро» наступит разве что лет через десять, и то встреча произойдет чисто случайно. Но, оказывается, он где-то пересекся с Вероникой, а та собирает телефоны одноклассников, чтобы созвать всех, кого только можно, и вот таким образом номер Виктории оказался у ее бывшей подруги.

«Не надо было давать Коле мой телефон, – мелькнуло в голове у Виктории. – В конце концов, я могла просто назвать неправильный номер».

– А вообще, если бы не Коля, – продолжала Вероника, словно угадав ее мысли, – я бы просто позвонила в твое издательство. Так или иначе я бы тебя нашла.

– Зачем? – напрямик спросила Виктория.

Прежде чем ответить, Вероника некоторое время молчала.

– Мне бы хотелось помириться с тобой, – наконец выдавила она из себя. – Хочется забыть старые обиды. Мы ведь были подругами... когда-то.

Виктория не поверила ни единому ее слову, и виной тому был вовсе не профессиональный инстинкт автора детективных романов. Виктория вообще не имела привычки доверять людям, которые ее однажды предали. А бывшая подруга как раз входила в их число.

– И потом, – добавила Вероника, – хотелось бы собрать всех, просто посидеть... Мы ведь были очень дружным классом.

«Мы никогда не были дружным классом. Все это ложь, ложь, ложь».

Но вслух она ничего не сказала.

– Ты ведь придешь? – настойчиво спросила Вероника. – Мы еще уточняем дату, но это будет где-то в субботу, когда все освободятся. И Сережа очень хотел тебя видеть.

– Хорошо, – сказала Виктория. – Я приду.

Вероника еще раз пообещала предупредить ее насчет даты, пожелала ей успехов и отключилась. Писательница положила сотовый обратно на серебристую подставку в виде ракушки и потеряла пальцами виски. Виктория уже знала, что ни на какой вечер встречи она не пойдет.

Глава 2

– Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, – считала Вероника. Никита поцеловал ее в шею, но молодая женщина только недовольно отмахнулась. Вероника не любила, когда ее отвлекали посреди подсчетов.

– И Виктория Палей, – добавила она. – Так что почти все должны прийти.

– Кто такая Виктория Палей? – нерешительно спросил Никита. – Вроде что-то знакомое...

От него не укрылось, что Вероника слегка поморщилась, прежде чем ответить.

– Она писательница. Детективные романы и всякое такое.

– Тоже твоя одноклассница?

– Конечно.

– И как она? Я имею в виду, что она собой представляет?

Вероника захлопнула ежедневник. Зябко повела плечами.

Что представляет собой Виктория Палей... И в самом деле, что она за штучка такая?

– Понятия не имею, – откровенно призналась Вероника. – Мы не виделись много лет.

– Постой, – сказал Никита, пристально глядя на нее. – Это ее ты уговаривала несколько дней назад? Я еще помню, она бросила трубку, когда ты ей звонила.

Вероника подняла голову и с вызовом посмотрела на него.

– Может, я вообще не стала бы ее приглашать, – уже с нескрываемым раздражением промолвила она. – Если бы это зависело от меня. Но вечер устраивает Сергей. Он очень хочет, чтобы она пришла.

Сергей Брагин был братом Вероники. Вынырнув из мутного болота 90-х, в нулевые он обернулся преуспевающим бизнесменом, миллионером и успешным со всех точек зрения человеком. Проживал он, где и положено людям его круга, – на Долларово-Успенском шоссе, дружил только с теми, кто мог быть ему чем-то полезен, врагов наживал, как и следует, только таких, с которыми сам в состоянии справиться. Да и женился Сергей именно на той, на ком надо жениться, – на бывшей однокласснице, а не на безмозглой вешалке для одежды, переходящей из рук в руки, из койки в койку и пригодной разве что для разового употребления.

– Дай-ка я угадаю, – беззаботно сказал Никита, кладя в рот зеленую ягоду кишмиша. – Ты поссорилась с этой Викой. Давным-давно. Верно?

Словно нарочно, он затрагивал именно ту тему, на которую Вероника не хотела говорить. Однако поставленный вопрос требовал ответа.

– Мы не ссорились, – нехотя буркнула она. – Просто...

Вероника замялась. Как ему объяснить, что произошла обыденная и, в сущности, совершенно банальная история? Жили-были три подруги, Вера, Виктория и Вероника, и был у Вероники брат Сергей. Все знали, что он влюблен в Викторию и она тоже его любит. Казалось бы, что тут такого?

А потом между ними встала Вера, и сестра Сергея приняла ее сторону. Вероника и сама хорошенько не помнила, что побудило ее предать вторую подругу. Виктория (кстати, почти никто не называл ее уменьшительным Вика, только полным именем), – так вот, Виктория была немного чудаковатой, любила сочинять разные истории, но ничего плохого она Веронике не сделала. По молодости той казалось забавным расстраивать встречи Виктории с братом, лгать ей и в то же время тайно сводить Сергея с Верой. Вера казалась полной противоположностью сопернице – крепкая, рыжая, громкоголосая, самоуверенная. Не то что Виктория – хрупкая брюнетка со светлыми глазами, вечно сомневающаяся в себе. В школе у нее был уныло-мечтательный вид, который иные мальчики находили страшно романтичным. Тогда, впрочем, для нее не существовало никого, кроме Сергея. Но в конце концов...

В конце концов, конечно, все раскрылось – случайно, нелепо, пошло, как все всегда и раскрывается в этом мире. И у Сергея был сконфуженный вид, у Веры – победный (эта никогда и ничего не стеснялась), а Веронике пришлось объясняться с наивной простушкой, которую предали и над которой смеялись за ее спиной. Вероника не очень хорошо помнила детали того разговора (вернее, она потратила много усилий, чтобы вытравить их из своей памяти), только помнила общее ощущение – тягостную, невыразимую тоску и желание, чтобы все поскорее закончилось. Но у Викторией дрожали губы, она все допытывалась: как? за что? за что они так обошлись с ней, хотя она считала их своими подругами, доверяла им, помогала как могла и не утаивала ничего, что происходило в ее жизни? Почему, почему ей такое наказание?

Однако Вероника смотрела в сторону, хмурясь, и отвечала грубо и односложно. Нечего на нее все валить, она тут ни при чем, Виктория сама виновата, а теперь Вера ждет ребенка, и Сергей на ней женится, а Виктория пусть не рассчитывает, что ее пригласят на свадьбу, и вообще – школа кончилась, детство тоже, нечего воображать, что если парень вздыхал по тебе год назад, то он будет всю жизнь вздыхать. Мир не стоит на месте, кто не успел, тот опоздал, кто сумел, тот и поимел, и так далее.

Это была философия вполне в духе стоявших на дворе 90-х годов с их шакальным духом, когда все словно сорвались с цепи, вполне в духе ее собственной эгоистичной молодости, – философия, наконец, которая как нельзя лучше подходила к сложившейся ситуации. Тогда Веронике казалось естественным думать, что Виктория с ее любовью к книжкам и мечтательностью никогда не была ей по-настоящему подругой, а значит, никакого предательства не было и в помине. И вообще, раз тебя обманули – ты сам виноват; тебя предали – твои проблемы. Однако все-таки Вероника вздрогнула, когда воспитанная, интеллигентная Виктория, потеряв самообладание, потеряв лицо, наплевав на все, кричала ей вслед звенящим от ненависти голосом: «Чтоб ты сдохла, слышишь, чтоб ты сдохла! Чтоб вы все сдохли!» А потом села на скамью и заплакала.

– Вот дура, – сказала Вероника, оправившись, и, чтобы подчеркнуть свое презрение, даже плюнула на землю.

Дело было осенью, в пасмурном парке, под голыми черными ветвями лип, где тоскливо и протяжно кричали в вышине какие-то темные птицы. Потом, когда она возвращалась мыслями к этому жуткому разговору, который навсегда развел их с Викторией и оборвал дружбу, длившуюся с младших классов, Вероника все время недоумевала, как же она не увидела в этих черных ветвях, которые тянулись к ней, словно руки, в воронье, что кружило над ее головой, дурного предзнаменования. Само собой, свадьба была веселая и пьяная, насколько позволяли невеселые времена, и, само собой, никакого ребенка у Веры не было, это был лишь предлог, чтобы привязать Сергея к себе. Просто рыжая практичная Вера все взвесила и сделала ставку на него, как в казино делают ставку на номер. Она была уверена, что Сергей далеко пойдет, и не ошиблась в своих расчетах. У него имелись все качества, которые позволяют удержаться на плаву и не утонуть в самые коварные, самые непредсказуемые эпохи: гибкость, везучесть, умение рисковать и при этом не проигрывать, жесткость, переходящая, когда надо, в жестокость, и честолюбие, которого и у самой Веры было хоть отбавляй. Он должен был многого добиться, и Вера твердо намеревалась помогать ему в этом. Кем бы Сергей сделался, останься он с Викторией? Да он бы никогда не дошел до многомиллионного состояния и поста главы чрезвычайно влиятельной корпорации, если бы не жена. Она направляла его, вдохновляла, когда надо, даже кое-что подсказывала, он всегда мог на нее положиться, у них были схожие взгляды почти на все, и они неизменно поддерживали друг друга.

...Вернее, так было до недавнего времени.

Потому что, когда ты наконец добиваешься того, о чем мечтал, всегда оказывается, что на самом-то деле грезил ты совсем о другом, ни одна мечта не сбывается так, как задумывалась. У Сергея были миллионы и особняк на том самом шоссе, вызывавший всеобщее восхищение,

но детей не появилось. Вера ходила по врачам, сдавала анализы, но эскулапы только разводили руками. Точно так же они разводили руками, когда к ним приходила Вероника, бездетная Вероника, которую из-за этого бросили уже два мужа. Все анализы были в норме, но детей не рождалось, аист не прилетал, и бессонными ночами Веронике казалось, что черные сучья дотянулись-таки до нее из прошлого, что она дурно обошлась с подругой детства и теперь ей суждено таким образом искупать свою вину. Не лучше приходилось и Вере. Отсутствие детей стало постоянным источником скандалов в семье, и все чаще до нее доходили слухи, что Сергей развлекается на стороне, что его видели то тут, то там с девицами сомнительной морали и еще более сомнительного поведения, хотя в то же самое время он звонил жене и клялся, что задерживается на собрании. А Вероника никак не могла забыть лицо своего второго мужа, когда он пришел домой, до странности оживленный, и стал собирать вещи. С простотой (которая, как известно, хуже воровства) он объявил, что его любовница (а по совместительству и коллега Вероники по редакции, в которой она работала) ждет от него ребенка и поэтому он уходит к ней.

– А как же я? – пролепетала Вероника, теряя голову.

Она знала своего мужа как не то чтобы доброго, но уж, во всяком случае, ничуть не жестокого человека, и оттого его ответ поразил ее в самое сердце.

– Да на кой ты мне сдалась, бесплодная смоковница? – фыркнул он и скрылся за дверью.

Ночью после этого расставания она достала из холодильника бутылку водки, которую терпеть не могла, и стопка за стопкой прикончила ее всю. Жизнь шла наперекосяк, катилась куда-то под откос под аккомпанемент воронья из того парка, и вот она, молодая еще, симпатичная, более чем обеспеченная блондинка, никому не нужна, никому, никому. Давно кончилась бесшабашная юность, когда кажется почти забавным причинять боль другому человеку; с опытом приходит и понимание того, что жизнь, в сущности, не щадит никого, что на каждый удар, нанесенный другому, судьба неизменно отсыпает дюжину ударов, и как ты ни стремишься себя обезопасить, все равно она отыщет больное место, в которое может тебя ранить. Тут Веронику мучительно стошнило, и существование показалось ей еще гаже, чем прежде.

А потом она встретила Никиту. Она ехала на важную встречу, на оживленной улице, как назло, у нее забарахлила машина, и тут остановился он и предложил помочь. И жизнь стала казаться не такой уж беспросветной, и призраки воронья, прилетевшие из прошлого, уже не кружили над ее головой. В конце концов, у многих людей нет детей, и это ничего не значит. Нет, значит, будут, и вообще, всему свое время. А что до ее разводов, то миллионы людей разводятся, и ничего особенного в этом нет: как-никак двадцать первый век на дворе, а не Средние века. И вообще, если вы остались одна, из этого еще не следует, что вы были недостойны своего партнера; может, с точностью до наоборот – вы оказались слишком хороши для него. Как и многие журналисты, Вероника была знакома с психологией поверхностно, но этого хватало, чтобы разобраться в себе и порой – в других людях.

Впрочем, будь она даже доктором психологии, она бы не смогла толком объяснить, какие именно чувства вызывает в ней мысль о предстоящей встрече с Викторией. Тон, каким бывшая подруга разговаривала с ней по телефону, ясно показывал, что та ничего не забыла и не простила. «Конечно, – зло подумала Вероника, – как тут не пожалеть об упущенных возможностях! Была бы она сейчас женой Сергея, и ее жизнь повернулась бы совсем по-другому».

Она увидела прямо перед собой светлые глаза Никиты – и очнулась.

– Так вы не ссорились? – спросил он.

Она процедила сквозь зубы:

– У Сережки был с ней роман, до Веры. Потом он ее бросил, а Виктория решила, будто бы я во всем виновата.

– Ну и в чем ты можешь быть виновата? – пожал плечами Никита. – Глупость какая-то.

– Не знаю, – ответила Вероника. Ей и самой пришлось по душе сочиненная ею версия. – Наверное, она обиделась, что я ей ничего не сказала. У нее всегда было большое воображение. Мало ли что она могла там придумать!

Сотовый разразился романтической мелодией – Веронику ждали в редакции, а она все еще была дома. Она ответила, что у нее болит голова и она подъедет потом, и отключилась.

– Мне нравится эта песня, – заметил Никита с улыбкой.

Вероника смутилась. Она поставила эту мелодию в начале их романа, но скорее умерла бы, чем призналась в этом любовнику. Он осторожно вытащил из ее руки телефон.

– Ну и чем мы сейчас займемся? – спросил он, целуя ее.

Глава 3

– У вас слишком богатое воображение, – сказал врач.
– Только не говорите, что это пройдет. – Виктория попробовала пошутить, но ей было вовсе не смешно.

– Хорошо, давайте разберемся. – Алексей Петрович вздохнул. – Итак, вам кажется, что за вами кто-то следит. Верно?

– Иногда, когда я выхожу из дома, – уточнила Виктория. – И я ничего не могу поделать с этим чувством.

– Сколько это продолжается, по-вашему?

– Восемь месяцев. Где-то так, я думаю. Вначале я пыталась себя убедить, что мне это мерещится, но... Я почти уверена, что за мной действительно кто-то наблюдает.

– Так. – Алексей Петрович наклонил голову, и она увидела, как блеснули стекла его очков. – И кто же, по-вашему, может заниматься таким вот наблюдением?

– Не знаю, – призналась Виктория. – Иногда это черная машина, иногда серая, иногда синяя. Иногда «Жигули», иногда старый «Мерседес». То есть... – Она поморщилась. – Это очень сложно объяснить, но я словно спиной ощущаю, что за мной следят. Возникает такое неприятное чувство...

Врач слушал ее, постукивая карандашом по столу.

– Вы пробовали поговорить с человеком или людьми, которые находятся в машине, будто бы преследующей вас?

Виктория покачала головой.

– Боюсь, это не получится. Они всегда держатся в отдалении. И потом... – Она задумалась. – Я не сказала бы, что они преследуют меня. Я не чувствую, что от них исходит какая-то... угроза. Но тем не менее они меня беспокоят.

Алексей Петрович улыбнулся, и при виде этой улыбки Виктория сразу же поняла, что именно он ей скажет.

– У вас довольно редкая профессия. – Как и все опытные психологи, он предпочел начать издалека. – Вам не кажется, что ваши, хм, ощущения могут быть следствием работы над очередной книгой?

Виктория поднялась с места.

– А если бы я работала контролером в автобусе, что бы вы мне сказали? – со злостью, которой не ожидала от себя, спросила она. – Что я начиталась детективных романов?

– Нет, Виктория Александровна, вы же должны понимать...

– Всего доброго, – буркнула она и вышла, с колоссальным трудом удержавшись от желания на прощание как следует грохнуть дверь.

Во дворе чирикали птицы, и свет по-весеннему проходил сквозь прозрачную листву. Тем не менее стояла ранняя осень, та, что по-русски именуется бабьим летом, а по-французски – летом индейским, о котором поет свою великолепную песню Джо Дассен.

Чтобы собраться с мыслями, Виктория присела на скамью. Теперь, когда вспышка раздражения сошла на нет, ей стало и грустно, и немного стыдно, что она не сумела сдержаться.

«Итак, подведем итоги. Три врача, уйма выброшенных на ветер денег... или почти на ветер, потому что никто толком так и не смог мне объяснить, что со мной такое. И почему они считают, что все писатели непременно ненормальные? Знали бы они, какую кропотливую логическую работу приходится проделать, прежде чем напишешь хороший детектив, как единственная неувязка может загубить самый выигрышный сюжет... Но им куда проще считать детектив недостойным жанром, которым занимаются исключительно недоумки».

В сумке заверещал сотовый, и от неожиданности Виктория даже вздрогнула.

Опять Вероника. Вот черт.

– Виктория, ты не забыла? Встреча сегодня вечером, в ресторане «Олимпия»!

– Модное местечко, – буркнула Виктория.

– Конечно, – с энтузиазмом подтвердила Вероника. – Сергей снял оба этажа, так что погуляем! Ты знаешь, как туда проехать?

Да, разумеется, она приедет, она постарается не опаздывать и помнит, что будут танцы, и еще Сергей обещал какой-то сюрприз.

Впрочем, для нее никаких сюрпризов не будет. Она просто вернется домой и сядет читать Чехова, очередной том полного собрания сочинений, изданного в советское время. Виктория читала это темно-зеленое собрание медленно, растягивая удовольствие и смакуя каждую страницу. Для автора детективов у нее были странные на первый взгляд пристрастия – Чехов, Уайльд и Стерн. И еще стихи Лорки.

«Чехов, помимо всего прочего, прекрасный стилист... И как он описывает людей! Конечно, он видел их насквозь... и поэтому вряд ли мог уважать. По его письмам иногда это очень чувствуется... И еще на него сильно повлияла болезнь. Какой он был веселый, пока у него не открылась чахотка, просто неистощимый фейерверк шуток, причем на самые разные темы. А потом... потом да, уже не то. Трудно сохранять веселый тон, когда задыхаешься и кашляешь кровью. И зачем он женился на этой актрисулке? Знал же, что она собой представляет, и все же питал какие-то иллюзии... надеялся...»

Однако, прежде чем приступить к Чехову, ей пришлось сходить в супермаркет, выслушать причитания кассирши, у которой опять не было сдачи с крупной купюры, получить-таки эту сдачу и уже в подъезде вежливо отказаться от предложения бабки с верхнего этажа ехать в лифте вместе с ней и какой-то грязной кадкой, из которой сыпалась земля. Для этого Виктория слишком дорожила своими белыми джинсами, но бабка обиделась так, словно писательница предложила ей купить гроб со скидкой. В конце концов бабка уехала одна и, само собой, застопорила лифт на верхнем этаже. Подождав минуту, Виктория пожала плечами и отправилась пешком на свой предпоследний этаж.

«А ведь все могло быть совсем по-другому».

Все-таки она не удержалась от этой мысли. Ну да, она могла стать женой Сергея, и Сергей был бы богат, и она вольготно жила бы в отдельном доме, а не в многоэтажке, где кто-то из соседей то и дело заводит нескончаемый ремонт, а кто-то уезжает и запирает в квартире собаку, которая от одиночества и тоски начинает выть во весь голос. А еще есть любители громкой музыки, шумных ночных застолий, курильщики, бросающие вниз окурки, которые постоянно залетают к ней на балкон...

Да, все могло быть иначе. Но ее судьбу – то, что могло стать ее судьбой, – присвоила себе Вера, а на долю Виктории осталось... осталось то, что осталось.

«И это вовсе не так уж плохо... В конце концов, я всегда хотела стать писателем – и я им стала».

Она просмотрела в компьютере почту, ответила на несколько писем и растянулась на диване с книгой. На стене важно тикали часы – старинные, принадлежавшие еще прабабушке и прадедушке Виктории. Много лет они простояли сломанные, но несколько месяцев назад она нашла-таки специалиста, который их починил. И теперь Виктория смотрела на часы и думала, что видит те же стрелки, которые видели ее предки, тот же циферблат и те же бронзовые фигурки вокруг него. И эта мысль ее согревала. Она перевернула страницу и углубилась в чтение.

Зазвонил сотовый, но на этот раз Виктория не стала с ним церемониться и попросту отключила его. Она читала, а потом небо за окном потемнело, насупилось. Что-то вкрадчиво зашуршало снаружи, и Виктория поняла, что пошел дождь.

«Так вот почему у меня с утра болела голова...»

Словно невидимый великан-воин расшаркался снаружи с громовым раскатом, полыхнул саблей-молнией. Виктория закрыла книгу, отложила ее и натянула на себя плед. Спать ей не хотелось, но она была не прочь подремать несколько минут. Виктория знала, что в такой дождь, как этот, ей все равно не работается и не читается. И она закрыла глаза.

А потом раздался звонок в дверь.

Глава 4

– Меня зовут Никита, – сказал он. – И меня послали за вами.

Он стоял на пороге, с него ручьями текла вода, но тем не менее он улыбался. Виктория мрачно посмотрела на него, испытывая то же чувство, что и, допустим, улитка, которую силой выдворяют из ее уютного домика.

– Вы шли от «Олимпии» до моего дома пешком? – спросила она, насупясь.

Ее собеседник так удивился, что даже перестал улыбаться.

– Я... нет, конечно! Просто на вашей улице сложновато припарковаться. Пришлось оставить машину в самом конце. А вы что же, забыли про вечер встречи?

– Нет, – коротко ответила Виктория, – не забыла.

– Тогда в чем же дело?

– Просто я не хочу туда идти.

Он был обескуражен, она видела это по его лицу. Интересно бы еще понять, почему. Хотя, если он шофер Вероники и полностью от нее зависит... Но на шофера он не походил. Чисто интуитивно она сразу же отмела это предположение.

– Жаль, – сказал он. – Сергей специально для вас пригласил французскую певицу. Он думал, вам понравится такой сюрприз. Вы же любите французскую музыку... – Под взглядом Виктории он смешался и закончил почти умоляюще: – ...Кажется.

Вот оно что. Интересно, чего ради Сергей так старается? Или его тоже замучила ностальгия? Или по прошествии стольких лет он все еще на что-то надеется?

Никита-не-шофер откинул назад мокрые светлые волосы. Он был складный, с приятными чертами лица и пронзительно-голубыми глазами. Симпатичный, но скорее обаятельный, чем красивый. И еще Виктория не могла отделаться от впечатления, что где-то когда-то определенно уже видела его.

– Вы точно решили не идти? – спросил Никита.

– Мы не могли встречаться прежде? – спросила она напрямик, устав ломать голову над этой загадкой. – Просто мне кажется, что я где-то вас видела.

По тому, как изменился, потемнел его взгляд, она поняла, что попала в точку.

– Может быть, – осторожно протянул он. – Моя фамилия Алферов. Я был гонщиком.

Теперь она вспомнила. Несколько лет назад это имя не то чтобы гремело, но, во всяком случае, было у всех на слуху. Никому не известный молодой пилот ворвался на гоночный олимп, взял с ходу несколько первых мест, а потом...

Что же было с ним потом, боже ты мой? И ведь нет у нее никакого склероза, просто она никогда особенно не интересовалась гонками и лицо его запомнила лишь потому, что оно попало ей на обложке какого-то журнала, в котором, помимо всего прочего, была и рецензия на ее роман.

– Так я ухожу? – спросил он настойчиво.

– Ладно, можете зайти, – решила Виктория. – Только одна просьба: на машине по квартире не гонять, жилплощадь для этого не приспособлена. Хорошо?

Никита улыбнулся, переступил порог, и дверь, зевнув, затворилась за ним.

– Можете переодеваться, – сказал он, – я подожду.

Виктория вздохнула.

– Мне нужно... – она подумала немного, – пятнадцать минут. Хорошо?

– По моему опыту, – объявил Никита весело, – когда женщина говорит «пятнадцать минут», это значит как минимум час.

– Сразу видно, что у вас нет никакого опыта, – отозвалась Виктория, возвращаясь в комнату. – Когда женщина говорит «пятнадцать минут», это значит три часа, не меньше.

И тем не менее на то, чтобы переодеться, накраситься и соорудить самую простую прическу, у нее ушло как раз четверть часа. Однако тут Виктория обнаружила, что возмутитель ее спокойствия куда-то исчез.

Она нашла его в ванной, где он, сняв футболку и скрутив ее жгутом, выжимал из нее воду. И Виктория со свойственным ей чувством юмора подумала, что впервые мужчина раздевается в ее квартире уже через минуту после знакомства. Он был гибкий, тонкий, но широкоплечий, мускулистый, и его хоть сейчас можно было снимать для обложки журнала. Странно, что она сразу не угадала, что перед ней человек, имеющий отношение к спорту.

– Не надевайте мокрое, – сказала она, – вы простудитесь. Давайте я вам дам другую футболку.

Никита озадаченно на нее покосился.

– Дамскую? – весело спросил он.

– Нет. – Виктория не стала вдаваться в подробности, что это футболка Кирилла, ее бывшего гражданского мужа, с которым она недавно разошлась.

– Мне бы не хотелось вас утруждать, – признался Никита. – А это платье, оно... Оно вам очень идет.

– Платье вам не достанется, – ответила Виктория, уходя. – И не рассчитывайте.

Никита поперхнулся – то ли от смеха, то ли от неожиданности – и кашлял еще, когда она вернулась, неся легкомысленную маечку с надписью «I love Paris».

– И я тоже люблю Париж, – признался Никита, влезая в майку. – Меня там собирали.

– В смысле?

– После того, как я разбился, – пояснил он.

И тут она вспомнила. Ну да, авария на финише, когда финский пилот, которому должно было достаться лишь второе место, вечный соперник Алферова, врезался в него. И во всех журналистских репортажах о российском пилоте присутствовала одна и та же избитая, но оттого не менее правдивая фраза: «Чудом остался в живых».

Виктория вновь словно воочию увидела, как на мониторе телевизора кувыркалась маленькая нелепая машина, как она ударилась о заграждение и вспыхнула – сразу и необыкновенно ярко...

Что там было дальше, она не стала смотреть, потому что переключила канал.

И теперь человек из той самой машины стоял напротив нее, машинально поправляя майку, которая была ему тесновата.

– Мы идем? – спросил Никита.

– Да, конечно, – ответила она.

Они вышли в прихожую, и Виктория сняла с вешалки зонтик. Он был бирюзовый, летний, и наводил на приятные мысли о море, пальмах и далеких островах.

– А вы разве не возьмете камеру? – удивился Никита.

Виктория обернулась, смерила его спокойным взглядом.

– Зачем?

Больше он не стал ничего спрашивать. Виктория закрыла обе двери и спустилась вместе со своим спутником во двор, в два ряда заставленный машинами. Одна из них ухитрилась даже въехать передними колесами на детскую площадку.

– Сюда, – сказал Никита.

Ему пришлось припарковаться чуть ли не в конце улицы. Однако зонтик можно было уже не раскрывать, потому что дождь кончился. Светлая кошка перебежала дорогу перед идущими и скрылась в подворотне.

«Наверное, у него красная машина, – подумала Виктория, глядя на припаркованные у обочины автомобили. – Такой человек должен любить все яркое».

Но машина оказалась черной, и, хоть она была довольно дорогой, ничто в ней не намекало на то, что ее хозяин – бывший гонщик.

– Вам что-то не нравится? – нерешительно спросил Никита, заметив выражение лица Виктории.

– Я терпеть не могу черный цвет, – призналась она.

– Раньше у меня была другая машина, – сказал Никита. – Красная. Но для Москвы, сами понимаете... – Он виновато улыбнулся и развел руками.

«Значит, я все-таки угадала», – подумала Виктория. И, повеселев, села в машину.

Рокот мотора. Мокрый асфальт, лоснящийся в свете фонарей. Запах кожи в салоне, к которому примешивается едва различимый аромат духов. И хотя Виктория не помнит, как они называются, она сразу же вспомнила, что их не любит.

А впрочем, это совершенно неважно. Не все ли равно, как именно путешествовать назад в прошлое?

Глава 5

– Виктория-а-а!

Господи боже мой, это что, Катя? Потрепанная – и очень сильно потрепанная – жизнью баба, изумительно одетая, с дорогушкой сумочкой и сверкающим кольцом на пальце, но все же... все же...

А Катя Корчагина все так же дурашливо растягивает последний слог:

– Виктория-а-а! Ну надо же! Сколько лет, сколько зим!

Она сочно расцеловала в обе щеки Викторию, стрельнула глазами в сторону Никиты, спросила, не видела ли она Сережу. А Веронику? А Веру?

– Ой, Верунчик так подурнела, так подурнела! – сладко лепетала Катя, закатывая глаза. – Совсем за собой не следит! И прическа ужасная. Я ей говорю: «Верунчик! Ну зачем тебе этот кошмар? Я знаю в Лондоне такого стилиста, та-акого! У него даже принцесса стрижется, и не одна. Почему бы тебе не слетать в Лондон, не сделать приличную прическу? А то какой-то хелл¹ на голове, ну чесслово!» А Верунчик мне и отвечает...

Виктория перестала ее слушать. Как бы Катя ни изменилась внешне, характер ее остался практически тем же. Она была крайне предупредительна, в глаза говорила именно то, что собеседник мечтает от нее услышать, но зато за глаза... За глаза Катя говорила совсем другое, и с несказанным наслаждением. Кроме того, она обожала сплетни, и в свое время почти все гадкие и оскорбительные слухи, бытовавшие в их классе, именно ей были обязаны своим рождением, а стоило ей хоть немного выпить, как ее начинало заносить совершенно, и она злословила, не в силах остановиться. Однако, даже когда Кате угрожали неприятности из-за ее языка, когда вспыхивали нешуточные скандалы, она всегда выворачивалась, делала большие глаза, возмущалась, рыдала и клялась в вечной дружбе. И, хотя ее клятвам в дружбе нельзя было верить больше, чем гостеприимству людоедского племени ням-ням, ей все сходило с рук. Подруги ее прощали, а мужчины – они и так ее любили достаточно, чтобы не обращать внимания на ее выходки.

– Ну, рассказывай! – с придыханием велела Катя, придвигаясь поближе к Виктории. Глаза Корчагиной аж зафосфоресцировали от предвкушения какой-нибудь истории, которую можно будет претворить в очередную порцию сплетен. – Как твои дела? Ты замужем?

– Конечно, – последовал ответ.

– Ну? И кто он? – Катя едва не подпрыгивала на месте от возбуждения.

– Миллионер, красавец и круглый сирота, – ответила Виктория. – Ему двадцать пять лет, и у него синие глаза.

Катя поперхнулась, но она была так устроена, что до нее не сразу дошло, что над ней смеются.

– Ну, знаешь ли! – решила все-таки возмутиться она.

– А что? – с невинным видом отозвалась писательница. – Все другие варианты не стоят того, чтобы о них говорить.

И, прищипив назойливую одноклассницу к месту этой убийственной репликой, удалилась. Ей не хотелось долго оставаться в обществе Кати, тем более что Никита уже успел куда-то испариться.

«Вот тебе и встреча одноклассников, – в смятении подумала Виктория, спускаясь на высоких каблуках по лестнице и следя за тем, чтобы не споткнуться. – Я-то думала, будет тихий вечер... а Сергей, похоже, приглашал сюда не пойми кого!»

¹ Hell (англ.) – ад.

Ресторан «Олимпия» сиял, сверкал и переливался, и в нем творилось форменное свето-преставление.

Были тут какие-то представительные дяденьки с лысинами и вечной грустью в глазах. На дяденьках висли неопознанные юные щебечущие создания на двенадцатисантиметровых каблуках, и это не считая платформ.

Были и не то чтобы дяденьки, но уже определенно – господа с этакой поволокой власти в глазах. От них за версту несло большими деньгами, а метров за десять – дорогим одеколоном. Возле них щебечущих созданий не наблюдалось, но зато кружили дамы среднего возраста, очень пристально следящие за всякой особой женского пола, приближающейся к их избраннику менее чем на десять километров.

Присутствовали еще не господа, но уже и не товарищи, по виду – интеллигенты, застрявшие между классами общества и никому не нужные, как, впрочем, и вся интеллигенция в любые периоды, эпохи и времена.

Наконец, попадались и элементы явно деклассированные, одетые просто скверно (что было терпимо) или с претензией (что выглядело совсем жалко). Это были те, кого принято называть неудачниками, люди, не нашедшие своего места в жизни, недостаточно волевые, чтобы отвоевать свое место под солнцем, слишком брезгливые или не слишком удачливые.

Виктория узнала кое-кого из присутствующих, хотя они порядком изменились, и ее охватила грусть. «Зачем я вообще сюда пришла?» – в который раз укорила она себя.

На последней ступеньке она едва не споткнулась, но тотчас же кто-то ловко подхватил ее под локоть.

«Ненавижу высокие каблук», – мрачно подумала Виктория.

– Привет, – прозвенел возле нее веселый голос, и она подняла голову.

...Боже мой.

Этого не может быть, просто не может быть никогда...

– Сергей? – несмело спросила она, не веря своим глазам.

Редкие волосы, облысевший лоб – ну да, блондины часто рано лысеют... Глаза-щелочки. И шея.

Короткая, бычья, распирающая воротник наверняка дорогой рубашки, возможно, стоившей больше, чем розовое платье Виктории, расшитое пайетками и бисером, образующими рисунок в виде бабочек.

Но неважно, сколько стоит рубашка и платье – да черт с ним, с платьем, важно, что перед ней стоит человек, которого, как ни крути, она когда-то любила, и чувства, которые она испытывала в это мгновение, были очень противоречивы.

Чересчур противоречивы, по правде говоря.

Он гыгыкнул – не рассмеялся, не хохотнул, а именно гыгыкнул. И Виктория, услышав это самодовольное «гы-гы», растерялась окончательно. Впрочем, смех тотчас же оборвался.

– Да, – сказал Сергей с неким подобием сожаления. – Сильно я изменился, а?

Виктория поняла, что все чувства написаны на ее лице, а даже если это не так, ни один человек на свете все равно не прочтет там восторга от встречи с бывшим поклонником. И она могла бы притвориться и изобразить радость, вполне убедительную, к слову сказать, но отчего-то ей сделалось невыносимо грустно.

– Ну вот и встретились, – продолжал ее собеседник. – Как твои дела, нормально?

Она неопределенно пожала плечами. Говорить ей не хотелось. Какой-то бугай почтительно переминялся с ноги на ногу возле Сергея, в тени. Однако не только присутствие охранника мешало ей.

– Книжки пишешь? – спросил Сергей.

– Да, – выдавила из себя Виктория.

Но наконец-то последовало спасение – в лице худощавой блондинки в безупречном костюме, в которой она не без удивления признала Веронику, и рыжей дамы, взгляд ее подействовал на Victорию как ожог из прошлого. Это была Вера.

Они подошли к ней, немного скованные, но с блестящими глазами, и Виктория, которая, подобно своим героям, умела мыслить ретроспективно, сразу же поняла, что перед встречей с ней они отчаянно трусили и для храбрости выпили не одну рюмашку. Отчего-то ей сделалось их жаль. Вероника была очень ухоженная, в модных очках, переливающихся стразами, и весь ее облик так и кричал о достойном, хорошо оплачиваемом околоинтеллектуальном труде. (Хотя Виктория и сама когда-то была журналисткой, она никогда не считала этот труд интеллектуальным занятием.)

Что же до Веры, то она была почти такая же, как раньше. Яркая, рыжая, пышнотелая, ни в чем себя не стесняющая, но это была не та рыжина, которую любили рисовать Тициан или Ренуар, а некий особый медный оттенок с красным отливом. И Виктория сразу же поняла, что если в молодости волосы у Веры были естественного рыжего цвета, то теперь она их нещадно красит, отчего черты ее лица стали резче и грубее.

– Кажется, вы уже знакомы, – объявил Сергей шутливо и на сей раз рассмеялся почти человеческим смехом. И Виктория увидела устремленные на нее пытливые глаза Веры.

– Ой, – вырвалось у жены Сергея, – как ты здорово выглядишь!

Обычно на замечания в подобном роде Виктория шутливо отвечала: «Скромный образ жизни, высокий образ мыслей», это был удачный афоризм, и, в общем, он не слишком шел вразрез с действительностью. Но если бы она здесь и сейчас изрекла что-либо подобное, это прозвучало бы издевательски, даже оскорбительно. И потому она предпочла просто промолчать.

В эти первые минуты разговор шел какой-то нелепый, отрывочный, прежде чем кое-как, с переборами, потечь по одному руслу.

– Хорошо, что мы решили устроить этот вечер, – объявила Вероника.

– А Сережка певицу пригласил, – вставила Вера. – Французскую. Сначала мы посидим немного, а потом она нам петь будет.

– Да уж, неплохо она заломила, – сказал Сергей. – Но я решил, мамзель нам не помешает. – И снова это самодовольное гыгыканье.

– А я недавно твою книгу читала, – сообщила Вероника. – Про одноклассников.

– «Призраки забытого лета»? Она уже давно вышла, – машинально ответила Виктория.

– По-моему, ты переборщила, когда изобразила Диму главным злодеем, – добавила Вероника.

– Какого Диму? – удивилась Виктория.

– То есть? – озадаченно переспросила Брагина. – Там же злодея зовут Дима. Ты разве не Шульгина имела в виду?

Виктория почувствовала раздражение. И когда, интересно, читатели поймут, что если в книге персонаж назван Димой, то это вовсе не значит, что он имеет отношение хоть к одному из реальных Дмитриев, которые встречались ей в жизни?

– Из чего следует, что это Дима, а? Герой же – художник!

– Я ей тоже сказала, – прогудела Вера. – Мало ли кого ты имела в виду!

– Я никого не имела в виду, – упорствовала Виктория. – Это вымысел.

– Да и вообще, Димка же сейчас монах, – добавил Сергей. – Прикинь, Виктория, мы его хотели пригласить, а он отказался. Не время, говорит, для мирских развлечений.

– Ну хотя бы для одноклассников он мог выкроить часок, – обиженно поджала губы Вера. – Что мы, каждый год собираемся, что ли? Я ему сказала, что Катя тоже будет, так нет, он и ее не захотел видеть. А ведь когда-то за ней бегал...

Значит, Дима действительно стал монахом; журналист не ошибся, а Виктория вовсе не ослышалась, как ей тогда показалось. Она попыталась вспомнить, не было ли в ее однокласснике Шульгине каких-то черточек, которые уже тогда намекали на его будущую судьбу, но ничего не вспомнила. В школе он был упорный, неисправимый троечник, пытался таскать у нее тетрадки, чтобы списывать домашние задания, но скоро понял, что с Викторией этот номер не пройдет, и с тех пор окончательно охладил к учебе. В 90-е она слышала, что Дима отслужил в армии и у него водятся деньги, но о характере его бизнеса никто не говорил. Отец его был алкоголик, мать – обыкновенная жена алкаша, женщина с загубленной судьбой. Если бы Викторию тогда спросили, кем суждено стать Шульгину, она бы, скорее всего, ответила – мелким барыгой, который заправляет несколькими ларьками, то и дело катается на отдых в Турцию, носит на шее золотую цепь толщиной с велосипедную, имеет таких же уверенных в себе жену и детей и вполне доволен жизнью. Это было существование вполне по его мерке – точно так же, как ему было категорически противопоказано стать, допустим, учителем, художником или пианистом. И уж она никак не могла подумать, что этот простой, непрошибаемый, казалось бы, человек пойдет в монахи.

– Что с ним случилось? – спросила Виктория.

– С кем? – подала голос Вера.

– С Димой. Я имею в виду, просто так ведь в монахи не идут? У него кто-то умер? Жена? Ребенок?

– Да не был он женат, – удивленно ответил Сергей. – И никаких детей у него не водилось.

При этих словах и Вера, и Вероника слегка переменялись в лице, и писательница вдруг вспомнила, что и об их детях она ничего не слышала, и возможно, что никаких чад у них тоже нет, а раз так, не исключено, что это для них большая тема. Но тут подошел Никита, держа в руках бокалы с шампанским, и первый протянул Виктории, словно она была тут хозяйкой. На всех бокалов не хватило, и Сергей сделал знак официанту. Тот послушно приблизился с подносом в руке.

– А мы за тобой Никиту послали, – весело сообщила Вера, шурясь. – Я как узнала, что ты не берешь трубку, сразу же говорю Веронике: «Ника, она же нас продинамит! Она на нас еще обижена, вот и постарается не прийти». Вот мы и решили подстраховаться. Все-таки без тебя этот вечер был бы совсем не то.

Вероника бледно улыбнулась.

– Что это? – вполголоса осведомилась она у Никиты, кивая на непривычную футболку и «I love Paris».

– Попал под дождь, – лаконично сообщил гонщик.

– И что, раздел бомжа в переходе? – сердито спросила Вероника.

Виктория пристально посмотрела на нее. Ай да Брагина, ну и дает. Зачем ревновать так отчаянно, бессмысленно и, главное, некрасиво? Подобное поведение шло вразрез с ее образом состоявшейся, успешной женщины и наводило на мысли о том, что под этой кое-как пригнанной маской таится человек, отчаянно неуверенный в себе – или которого много раз бросали.

– Нет, – ответил Никита на слова любовницы. – Твоя подруга мне ее одолжила.

И слова «твоя подруга» слегка царапнули слух Виктории, но не резанули фальшью, хотя, конечно, ни о какой дружбе между нею и этими женщинами речи не шло. Вероника выглядела растерянной, а Вера только насмешливо улыбнулась, покачивая в руке бокал. Спас положение, как и должно быть, Сергей.

– Ну, – сказал он, блестя глазами, – выпьем за нас. Когда сядем за стол, будет уже не то, тем более что я и кое-кого из нашей компании пригласил. Я очень рад, что мы все собрались вместе! Нет, правда рад!

Пять бокалов нестройно звякнули, и даже Вероника перестала дуться. Допивая шампанское, Вера одобрительно причмокнула. Сергей блестел глазами, сверкал перстнями, и бессло-

весный бугай возле него окончательно ушел в тень. Виктория поймала взгляд Никиты, который смотрел на нее поверх своего бокала, и улыбнулась.

Глава 6

– Абсолютный неудачник, –дохнула ей в ухо Катя.

– Что, извини? – Виктория хорошо знала свою одноклассницу, но тут она все-таки опешила.

– Да Алферов этот, – ответила Катя, подавляя тихое рыгание. – Ты ж понимаешь, что такое спорт. Пять звезд, которых знают во всем мире, и сто тысяч человек, которые хотят занять их место. Никита тоже хотел стать звездой, у него такие планы были – ого! Какие он интервью английским газетам давал лет пять назад, ты бы их видела! Послушать его, так до него хороших гонщиков и не было. А потом он разбился, и бац! В одночасье стал никому не нужен: кому сдался спортсмен с травмами? И ничего ему толком выиграть не удалось, так, посверкал, и будет с него. – Катя затуманенным взором уставилась на очередное блюдо, которое официант накладывал ей на тарелку.

– А тебе, Катенька, только бы позлословить, – мягким, почти детским голоском проговорила сидящая напротив молодая женщина. Это была их одноклассница Лиза Кораблева, поэтесса. Она напялила какой-то льняной балахон диковинного вида, а на шее и на запястьях у нее красовалось множество украшений из деревянных бусин. Лиза уже в школе была белой вороной, и, встретив ее через столько лет, Виктория убедилась, что она ничуть не изменилась. Лиза по-прежнему сочиняла стихи, и по-прежнему их никто не хотел печатать. Чтобы заработать на жизнь, Кораблева, по ее словам, подметала тротуары, и Катя, когда услышала это, вытаращила глаза так, словно дворниками испокон веков работают вовсе не люди, а, допустим, инопланетяне, к которым обычные граждане не имеют никакого касательства.

– Нет! Да ты что! Какой кошмар! Я же помню, ты писала стихи... Вот ужас-то! А ты не пробовала устроиться на нормальную работу? Ну там, в офис или секретаршей?

Слушая ее, Лиза наклонила голову к плечу птичьим движением и младенчески улыbnулась, словно ей предлагали нечто очень странное.

– Ну что ты, Катенька! Какая из меня секретарша!

«Если она появится в офисе в таком виде, тамошний босс наверняка упадет в обморок», – мысленно закончила за нее Виктория. Люди, подобные Лизе, и восхищали, и одновременно раздражали ее. Она сочувствовала их упорству, но вместе с тем отлично видела, что все трудности они создают себе сами.

– Как же можно так жить? – вздохнула Катя и, достав помаду в золотом футлярчике, стала тщательно подкрашивать губы.

...Этот разговор состоялся в начале вечера, за столом Виктория оказалась бок о бок с Катей и как раз напротив Лизы. Рядом с поэтессой устроился ее спутник, тоже, судя по его одежде, поэт, и тоже непризнанный. Это был коренастый молчаливый малый, за весь вечер едва проронивший пару слов. Виктории он неразборчиво представился как Павел, с осуждением косясь на ее розовое платье. Впрочем, он с осуждением взирал на все, что попадалось ему на глаза. Немного ожил он лишь тогда, когда официанты поставили на стол бутылки с водкой, и Лизе вполголоса пришлось призвать его к порядку. После этого Павел окончательно обиделся на весь мир и замкнулся в себе.

К Виктории подошел Никита.

– Вы уверены, что не хотите к нам присоединиться? Там будет лучше слышно.

Однако она ответила отказом, и гонщик удалился. Вера еще до этого настаивала, чтобы Виктория села ближе к ней, но именно потому, что она настаивала, писательнице внезапно захотелось занять другое место. Сначала она неосторожно села рядом с высоким господином в жемчужно-сером костюме, но это оказался тот самый Гена, который в школе был в нее влюблен и даже однажды дрался из-за этого с Сергеем. Гена немедленно оживился, достал портмоне

и стал показывать ей фотографии своих детей, домов и собак. Дома, судя по всему, удалось ему лучше всего. Миловидная девушка с другой стороны от Гены вежливо скалила зубы и смотрела на Викторию злыми глазами. Улучив момент, писательница поднялась и позорно сбежала на другой конец стола, где рядом с Катей оставались два пустых места. По другую руку от Виктории оказался Коля Лапин, который прибыл на вечер с опозданием. Еще до его прибытия все заняли свои места, и пир начался.

В том, что это был именно пир, а не, допустим, фуршет или скромный ужин, гостям вскоре пришлось убедиться лично. Время шло, одни блюда сменяли другие, тосты, как и вино, лились рекой. Господа и товарищи почуяли родную стихию и уплетали за обе щеки, но на лица их стройных спутниц на шпильках нельзя было смотреть без содрогания. На лицах этих читалось живое страдание. Время от времени то одна, то другая отваживалась проглотить ложечку или кусочек лакомства, и после этого мучения их только возрастали. Призрак коммунизма не бродит больше по Европе, его давно сменил призрак целлюлита, притаившийся в каждой кукурузине, в каждом кусочке гриба, в каждом неопознанном – и не дай бог вкусном – ингредиенте. А тут еще Вера, провокатор по натуре, как и все рыжие, почуяла возможность внести смуту и, хохоча, громким голосом нахваливала разные салаты и десерты. Заложницы шпилек багровели, дулись и страдали. Однако не все за столом были такими вот ненавистниками еды: Виктория успела заметить, как Хабаровы – муж учился с ней в одном классе, а жена сейчас работала в детском садике – потихоньку прячут в пакет то, что не успели съесть. Она видела по их одежде, по скорбным морщинам возле рта жены, что живется им вовсе не весело, что они едва сводят концы с концами – то ли из-за тяжелой врожденной болезни их ребенка, о которой уже дозналась Катя и всем о ней раструбила, то ли из-за того, что Хабарова по причине кризиса недавно выгнали с работы. И Виктории было неловко видеть их отчаянные усилия прослыть комильфо, просто гостями, которые пришли встретиться с бывшими одноклассниками, в то время как в мыслях у них роились свои мучительные заботы, и жизнь вряд ли часто им улыбается. Виктория терпеть не могла просить – ни за себя, ни за кого бы то ни было, – но она решила подстеречь Сергея после вечера и спросить, не сможет ли он что-то сделать для больной дочери Хабаровых.

Лиза и Катя препирались: Корчагина настаивала на том, что она никогда не злословит, после чего залпом опрокинула бокал и стала рассказывать, как ей замечательно живется в Лондоне, а также в Париже, и в каждом из этих городов у нее есть своя квартира, но она все равно частенько бывает на родине. Англичане ксенофобы и снобы, но в общем довольно милые люди, французы еще милее, но большие язвы, и с ними надо держать ухо востро. И вообще, никто так не понимает русского человека, как другой русский. Виктория равнодушно слушала ее щебет, оглядываясь на красного, оживленного Сергея, на Веру, которая смеялась и говорила уже вдвое громче, чем в начале вечера, на Веронику, которая бледно улыбалась, и на стройный силуэт возле нее. Кто-то пребольно ткнул Викторию пальцем в локоть, и она, поморщившись, отстранилась.

– Смотри-и! – пропела Катя, выставив указательный палец и делая большие глаза. – Я тебя предупредила насчет гонщика! Я же вижу, ты все время на него смотришь! Не стоит, Виктория, честное слово, не стоит!

«Ах ты стерва!» – подумала про себя утонченная писательница, сохраняя, однако, на лице милую улыбку. Но ей было неприятно, что Катя заметила направление ее взгляда и сразу же поняла, что она смотрит вовсе не на Веронику, а на Никиту.

В общем и целом вечер оправдал ее ожидания: и французская певица наконец вышла на сцену вместе со своими музыкантами и начала петь. Но никого в зале не волновало, что поет она вживую, и ни один человек, кроме Виктории, не понимал, какие слова срываются с ее губ.

– Лиза! – крикнул Сергей, которому уже было море по колено. – Прочитай стихи!

Лиза порозовела, но отнекиваться не стала, а поднялась с места и извлекла откуда-то несколько мятых листков. Певица умолкла. Своим тоненьким, детским голосом поэтесса прочитала несколько стихотворений, и Виктория сразу же испытала безнадежное, тоскливое ощущение, которое охватывало ее всякий раз, когда она сталкивалась с чем-то крайне посредственным в области литературы или искусства. В школе Лизины стихи были ученически старательными, хотя в них и мелькало подобие живой мысли. Однако с тех пор она не продвинулась ни на шаг; у Виктории даже возникло чувство, что это были чуть ли не те же самые стихи, что и много лет назад. Как голос поэтессы остался детским, так и ее стихи остались детскими. Лиза подняла глаза от бумажки, увидела лицо Виктории и, должно быть, все поняла.

– Я что-то не просек, – жалобно сказал Сергею сосед по столу Владлен, начальник службы безопасности в его корпорации. – Что это за стихи? Где сиськи, я вас спрашиваю? Что за стихи без сисек?

Вера визгливо засмеялась, и даже Вероника снизошла до улыбки. Лиза покраснела, и в это мгновение Виктория остро пожалела, что поддавалась-таки на уговоры гонщика и не осталась дома.

Что, в конце концов, связывает ее со всеми этими людьми?..

– А вот эти стихи, – заторопилась поэтесса, – я написала совсем недавно. Послушайте...

Я долго шел по лабиринту
Неверной памяти моей,
Припоминая все обиды
И боль давно минувших дней.
Из мрака выступали маски,
Таинственные письма,
Рука в немом порыве ласки,
Пятно пролитого вина.
Бежали страхи чередою
За плачущим поводырем,
Как брейгелевские изгои,
Давно забывшие свой дом.
Два незнакомых человека...

Это уже было гораздо лучше, но тут кто-то с грохотом уронил тарелку, которая разбилась, кто-то другой не преминул сделать недовольное замечание, примчались официанты, убрали остатки тарелки и вытерли пол. Поэзии, какого бы качества она ни была, уже не осталось места в этом мире, и Сергей предложил очередной тост. «За женщин, которых мы любим», – почувствованным голосом молвил он. Настолько почувствованным, что даже прямоугольный, как шкаф, Владлен вздохнул и кивнул.

– Мне показалось или он посмотрел на тебя, когда произносил этот тост? – вполголоса поинтересовался Коля у Виктории.

– Показалось, – отрезала та. – Лиза, с тобой все в порядке?

Поэтесса опустила глаза. Рядом с ней Павел, таки дорвавшийся до заветной бутылки, уже приканчивал ее.

– Ничего, Виктория, – сказала Лиза, выдавив из себя улыбку. – Бывало и похуже.

У нее было лицо человека, заранее смирившегося со всеми неудачами и уверенного в том, что ни одна из них никогда не обернется удачей. Лиза не смотрела на Викторию, и писательнице казалось, что она знает почему. «Ну разумеется... Я для нее представитель отвратительного племени лжеписателей, которые заполнили все полки книжных магазинов и имеют наглость сочинять развлекательные истории, в то время как Настоящая Литература и Высокая

Поэзия никому не нужны. Только все это бесполезно. Каковы читатели, таковы и писатели. У Пушкина были читатели, достойные его уровня, а сегодня ему пришлось бы сочинять эстрадные песенки или спиться». Возле нее Коля шумно перевел дух, поглощая дорогой паштет. Журналист ел, чавкая и давясь, словно дома у него было двое больных детей и его только что выгнали с работы, и поэтому он стремился насытиться на неделю вперед. «И еще у него есть какая-то жена... – с неожиданным приступом омерзения подумала Виктория. – Как с таким типом вообще можно жить?»

Ее внезапно стало раздражать все. И этот несуразный вечер, и посторонние люди, которые оказались тут невесть зачем, и бывшие одноклассники, и Сергей, и Вера, и Лиза, и Вероника, и она сама. Все они постарели, помудрели, поблекли, и когда те, кто чего-то добился, выставляют напоказ свое преуспевание, это скучно, точно так же, как неудачи, которыми бравируют те, кого успех обошел стороной. Хотя все, в сущности, относительно, и Виктория была достаточно проницательна, чтобы заметить, что Катя считает ее саму – по отношению к себе – неудачницей, потому что у нее, Виктории, нет квартиры в Париже и она не выходила замуж три раза. Да и Вероника, наверное, уже успела сравнить ее и свои гонорары и тихо упивается собственным превосходством. Сергей, к примеру, среди них наиболее везучий, но вот если завтра он погибнет в автокатастрофе, то выяснится, что больше повезло все-таки Славе Хабарову, у которого нет работы и на руках больной ребенок. Потому что лучше быть живым бомжом, чем мертвым миллионером. Виктория услышала звуки музыки и оглянулась.

– Танцы, танцы! – закричала Катя, хлопая в ладоши.

Виктория представила, как эта публика будет отплясывать и вообще передвигаться после такого ужина, и ее мизантропия утонула в черном юморе. Однако оказалось, что она недооценила упорство своих знакомых. Ее саму почти сразу же пригласили на танец.

Глава 7

Она танцевала с Сергеем, потом с Никитой, потом с Геной, потом с похожим на шкаф Владленом, который, судя по всему, решил подстраховаться и на всякий случай понравиться бывшей зазнобе хозяина. Танцевать Владлен не умел и чуть не отдал Виктории ноги. Затем ее пригласил Коля, но она представила, как будет выглядеть со своим кавалером, доходящим ей разве что до плеча, и отказалась. Журналист не стал настаивать и тотчас же увлек танцевать Катю, обхватив ее за талию. Та жмурилась и повизгивала от удовольствия.

– Какой веселый вечер, – кричала она, – какой веселый вечер!

Виктория вышла на свежий воздух – передохнуть и собраться с мыслями. Кто-то из официантов, куривший снаружи, поспешно скрылся, чтобы не навлечь на себя гнева гостя, а то вдруг ей не понравится его присутствие. Виктория облокотилась о парапет и задумалась.

Веселый вечер? Веселый, само собой. Но – зачем?

Ни мгновения, ни даже доли мгновения она не верила в ностальгические мотивы, которые побудили Сергея устроить встречу с одноклассниками. И Виктория была вовсе не настолько самонадеянна, чтобы счесть, что все это он затеял только ради того, чтобы встретиться с ней.

В конце концов, за все предыдущие годы он ни то что ни разу не позвонил ей – она вообще ничего о нем не знала, и он никак не присутствовал в ее жизни. Возможно, тут поработала Вера, следившая, чтобы Сергей не отвлекался на посторонних женщин, однако факт остается фактом: пятнадцать лет, даже больше, не заявлять о себе и внезапно устроить какой-то вечер...

Виктория встряхнулась. Эта ситуация напомнила ей ее собственный роман, «Призраки забытого лета», когда один из одноклассников тоже устраивает вечер встречи, и вскоре выясняется, что это было сделано вовсе не просто так, а с дальним прицелом. Но какой же дальний прицел может быть у Сергея?

И еще странно, если вечер устраивал Сергей, почему звонила, приглашала и развивала бурную деятельность одна Вероника. Или Сергей просто поручил сестре заниматься организационной стороной?

«А может быть, – подумала Виктория, – дело вовсе не во мне и не в одноклассниках, а в людях из его корпорации, которые тоже присутствовали на вечере, и Сергей строит по их поводу какие-то планы».

Или, сказала она себе, я просто чересчур подозрительна, и Сергей следовал общей моде, устраивая вечер. Типа Иванов устраивал, Петров тоже, а я чем хуже, в конце концов?

Она заметила, что становится прохладно, и вернулась в зал, но у входа столкнулась с человеком, о котором только что думала.

– Я тебя искал, – сказал Сергей. – Куда ты пропала?

Она посмотрела на него. Расстегнутый воротник, красное лицо, глазки-щелочки... И ее охватила грусть.

Чужой человек, совершенно чужой, тут можно даже слов не подбирать. Как будто тот Сергей, которого она когда-то любила, давно умер, а его место занял не слишком похожий на него двойник.

Дело, впрочем, было не во внешности вовсе, и не в поредевших волосах, и даже не в глазах. У него появились ухватки, которые ей не нравились, – ухватки хозяина жизни, человека денежного, занимающего в обществе прочное положение. Она могла не спрашивать себя, сколько книг он прочел за то время, что они не виделись, в скольких музеях побывал. Он стоял в метре от нее, но между ними были сотни световых лет.

И впервые она подумала: а может быть, правильно, что он выбрал Веру; правильно, что все случилось так, как случилось? С ней, Викторией, он бы, наверное, только мучился – любил

бы, но мучился, потому что она была другой породы, ее интересовали вовсе не счета в банке, не власть и не техника завоевания места под солнцем. Вся беда заключалась в том, что у нее было недостаточно честолюбия, и, когда рушились миры, она предпочитала стоять в стороне, и когда они создавались, тоже. Спросите Викторию, что она делала в недоброй памяти 90-е, когда все кувырком полетело. Торговала в палатке? Дружила с бандитами? Закупала валюту на черный день? Ничуть не бывало. Она училась в университете, подрабатывала переводами где могла, училась писать книги и покупала издания, которые в советское время были диковинкой, а в 90-е хлынули на рынок широким потоком. И ведь это были не только детективы, но и издания Борхеса, Гофмана и Рильке. В 90-е ей не пришлось хоронить ни одного из своих друзей, хотя в то время расстреливали на улицах, убивали в подъездах, взрывали в машинах. Но Виктория, быть может, скорее интуитивно, понимала, что есть виды грязи, которая не выводится ничем, и держалась подальше от всего, что хотя бы намекало на криминал.

Кроме того, ей с лихвой хватало убийств, которые происходили в ее книгах.

– Что-то у тебя грустный вид, – встревожился Сергей. – В чем дело?

– Да так, – ответила она. И, вспомнив, о чем собиралась с ним поговорить, рассказала ему о больной дочери Славы Хабарова.

Сергей слушал ее, потирая пальцем висок.

– Я в этом совершенно не разбираюсь, – вздохнул он, когда она закончила. – Сколько стоит лечение?

– Не знаю, – призналась Виктория. – Но думаю, что дорого. Врожденные болезни всегда очень тяжело лечатся.

Он усмехнулся и как-то ошалело покачал головой.

– Узнаю тебя, – неожиданно выпалил он. – Нет чтобы за себя попросить, обязательно надо за кого-нибудь другого!

Хотя Виктория считала себя терпеливым человеком, она все же разозлилась. Она хотела сказать: «Не хочешь ничего делать, и не надо», но тут он увидел выражение ее лица и схватил за руку.

...И вот он стоит, держит ее руку в своей, а она думает только о том, как бы эту руку отнять.

Чужой человек. Совершенно чужой. Никаких эмоций.

– Да ладно тебе, – обиженно протянул он, отпуская Викторию. – Сделаем, господи, сложно, что ли?

– О чем это вы тут секретничаете, а?

Подошла Вера с сигаретой в руке, а за ней – Вероника с Никитой. Сергей объяснил им, в чем дело. Гонщик уважительно покосился на Викторию, но ничего не сказал. Вероника пожелала знать, почему Слава сам не обратился к ее брату.

– Да какая разница, в конце концов, – перебила ее Виктория, которую раздражала эта неуместная журналистская дотошность. – Ему стыдно просить – это тебе годится? Он боится, что ему откажут – годится?

– Если бы у меня болел ребенок, я бы все сделала для его спасения, – объявила Вероника.

И опять этот неуместный журналистский пафос, словно она сочиняет статью для образцового дамского журнала. Черт возьми, неужели она не может понять, что есть люди, забытые жизнью и настолько измученные, что руки у них просто опускаются, даже когда речь идет о самых важных вещах? Или это обычная черствость сытого, довольного собой человека, в мире которого не происходит никаких несчастий?

Или, наконец, Вероника просто глупа?

– Речь вовсе не об этом, – сказал Никита. – Если ребенок болен, ему надо помочь. Вот и все.

Однако Вероника упорствовала:

– Я все-таки не понимаю, почему Слава сам не может подойти и попросить. Все-таки учились вместе, не чужие же люди!

Теперь даже Вера смотрела на нее с осуждением, но Вероника этого не замечала. «Нет, она по-своему не глупа, – с сожалением подумала Виктория. – Но это узкий ум, очень узкий. Вероятно, потому мужчины от нее и уходят. Узость ума, мелочность, ограниченность – это качества, которые очень тяжело вынести в повседневной жизни».

– Ладно, – сказала Вера, бросая сигарету. – Идем танцевать. – Она покосилась на Никиту и обернулась к Веронике: – Ты не против?

И снова пела французская певица, и ночь катилась к утру, и кто-то уже дремал за столом, свесив голову, – Виктории показалось, что это был Павел. И еще она заметила, как Слава Хабаров, очень бледный, слушает Сергея, словно не веря своим ушам, а за руку Славы цепляется его жена, и лицо у нее такое же – недоверчивое и почти испуганное. Потом к Виктории подошел Гена, он хотел во что бы то ни стало зачем-то вручить ей свою визитку.

– Там мой телефон, может быть, ты захочешь мне позвонить...

Но она уже знала, что не позвонит ему никогда, и вообще все это лишнее, совершенно лишнее в ее жизни, и просто отстранила визитку рукой. Гену это почему-то обидело, он стал настаивать, но Виктория повернулась и просто ушла.

Ей хотелось домой, и к тому же она не любила долго носить туфли на высоких каблуках, они ее стесняли. Она спускалась по лестнице, когда вслед ей понеслось звонкое:

– Виктория! Подожди!

С блестящими глазами, запыхавшись, ее нагнала Вера.

– Виктория... я... ну... – Она говорила и то и дело сжимала и разжимала руки. Ногти у нее были длинные, с ярким лаком. – Я так рада, что ты пришла! – наконец выпалила Вера. – Я устраивала вечер и не знала, будешь ты, и вообще...

Вот так номер.

– А я думала, Сергей устраивал этот вечер, – осторожно протянула Виктория.

– Мы вместе, – пояснила Вера, – но идея была моя. У него день рождения в конце месяца, я хотела сделать ему какой-то такой подарок... ну... необычный, что ли...

День рождения. А она даже забыла, что Сергей родился в этом месяце.

За-бы-ла.

Забыла.

Так просто, словно он и не значил для нее ничего и никогда.

Нет, вяло подумала Виктория, это преувеличение. Просто жизнь не стоит на месте... и рано или поздно мы привыкаем обходиться без тех, кто уже обошелся без нас.

– Скажи, ты меня простила? – неожиданно с мольбой спросила Вера, схватив ее обеими руками за ладонь. – Простила?

Наверху лестницы кто-то ругался придушенными злыми голосами, мимо пробежал официант с горой грязной посуды на подносе... Но Вера, похоже, ничего этого не замечала, и в глазах ее была та же мольба.

– Виктория!

– Да ладно, – пробормотала писательница, высвобождая руку и чувствуя мучительную неловкость. – Что уж теперь...

– А Вероника? – внезапно встревожилась Вера. – Ты на нее больше не сердишься?

– Нет, не сержусь.

«Я на нее не сержусь... ни на нее, ни на тебя... мне вообще нет до вас никакого дела».

– Ну вот и ладушки, вот и замечательно! – расцвела Вера. – Я всегда знала, что ты молодец!

Она говорила еще что-то, какие-то слова, которые Виктория уже не слышала. Все это было смешно, нелепо – это псевдопримирение на лестнице, наспех, перед тем как проститься,

но Виктория не лукавила душой, говоря, что простила своих бывших подруг. Время стерло обиду, которую они ей нанесли, как стерло ее саму – наивную школьницу, которая верила в дружбу и любовь. И все они были теперь совершенно другие люди.

Впрочем, Виктория знала еще одно – что это прощение ничего не меняет и почти ничего не значит. И уж, по крайней мере, это не означает, что она собирается дружить с ними, как прежде.

К Вере подошел Коля, стал расточать комплименты по поводу удачного вечера, и Виктория, воспользовавшись этим, ускользнула.

В конце концов, она вообще не собиралась сюда приходить.

Глава 8

У Виктории никогда не было своей машины. Любая техника, размерами превосходящая компьютер, казалась ей нелепой и докучной. Кроме того, она не любила загромождать свое существование лишними вещами, и все же порой в большом городе, где она жила, Виктория остро чувствовала нехватку собственного средства передвижения.

«Интересно, работает ли уже метро...»

И она увидела себя как бы со стороны – дама в нарядном розовом платье, зашедшая в вагон метро, и невольно улыбнулась этой картинке. Виктория любила контрасты, но отлично знала, что большинство людей терпеть их не может. Если она поступит таким образом, ей наверняка попытаются испортить настроение.

– Виктория!

Ее нагнал Никита. У гонщика был взерошенный вид, который обычно бывает у молодых мужчин, когда они только что поссорились со своей половиной. Интересно, подумала Виктория, это он пререкался с Вероникой там, на лестнице?

– Подождите, я вас подвезу.

И сразу же все устроилось, и не надо было больше гадать по поводу подземки и перемещающегося в ней люда. По правде говоря, вечер немного утомил Викторию. По природе она вовсе не была общительным человеком, и сейчас больше всего на свете ей хотелось домой.

Кроме того, весь вечер ее преследовало неотвязное ощущение, будто она что-то не так сделала, где-то допустила промах или что-то забыла. И теперь она наконец сообразила, что, собираясь в «Олимпию», оставила дома сотовый телефон. Человек без мобильного в наше время, можно сказать, и не человек вовсе. В сущности, Виктория не сомневалась в том, что вряд ли кто-то стал бы ей звонить в столь позднее время, и все же ее охватила досада. Что, если мать, мающаяся бессонницей, вздумала набрать ее номер и не дозвонилась? Да и другие люди тоже могли ей звонить, если уж на то пошло.

Прямо перед их машиной выскочил, как чертик из табакерки, юркий «Пежо». Никита едва не врезался ему в бампер и, не выдержав, выругался.

– Извините, – пробормотал он, покосившись на бесстрастное лицо своей пассажирки.

Но Виктория его не слышала. «Все это вздор, – сказала она себе. – Наверняка мне никто не звонил». Она откинулась на спинку сиденья и поймала себя на мысли, что ей нравится ехать по освещенному огнями ночному городу так стремительно и беззаботно. И Никита как водитель ей нравился. Она была почти уверена, что его отношения с Вероникой скоро подойдут к концу. Есть люди, которые умеют вредить себе хуже злейшего врага.

«А впрочем, – тотчас же напомнила она себе, – меня это не касается. Ни в малейшей степени».

И она задумалась о вечере, который Вера подарила Сергею – вместе с ней, Викторией, в качестве своеобразной вишенки на торте. Она вспомнила лица одноклассников, разговоры за столом, Лизу в деревянных бусах, оживленную Катю, Гену. И, вспомнив Гену, она мельком подумала, как хорошо, что она не вышла за него замуж.

Но главным было вовсе не это. Тогда, в школе, они при всех своих различиях являлись частью одного класса, стояли на одном уровне. Сейчас ничего подобного не было и в помине. Жизнь развела их по разным дорогам и наклеила разные ярлыки. И ничего общего не осталось больше между ней и Вероникой, между ней и Верой, между ней и Геной, и тем более Лизой.

Как и между ней и Сергеем.

В сущности, эта мысль должна была ее утешить, но ей неожиданно стало грустно. Чем дальше, тем больше она убеждалась, что в жизни нет ни любви, ни преданности, ни верности, ни дружбы. Есть только секс, сиюминутные интересы и кратковременные попутчики. Те, кого

ты считала своими подругами, предают, те, кого ты любила, уходят. И в конце концов ты остаешься одна с теми иллюзиями о любви, о преданности и о дружбе, которые создаешь на чистых страницах своего романа.

– Налево или направо? – спросил Никита.

Она очнулась, бросила взгляд за окно.

– Налево. Хотя... я могу выйти и здесь.

– Ну вот еще, – обиженно протянул он. И ухитрился – несмотря на заставленный машинами двор – доставить ее к самому подъезду.

Виктория вышла. Никита хотел спросить что-то, но начал накрапывать дождь, и она, махнув рукой на прощание, побежала к подъезду. Было еще не поздно, и лифт подкатил не с таким звуком, как обычно, а с каким-то удивленным гулом, словно заспанный.

Она вошла в квартиру, и знакомое пространство тотчас же сжалось вокруг нее тугим кольцом. И еще она поймала себя на мысли, что ей не хватает Кирилла.

Виктория взяла сотовый и обнаружила, что зачем-то его выключила. Досадуя на себя, она вернула телефон к жизни и почти сразу же получила из сети сообщение о пропущенном звонке от неизвестного абонента. Номер его был скрыт.

«Может, это Кирилл? Раз он клялся, что больше никогда и ни за что не станет мне звонить, это вполне может быть он. Звонок в час ночи... он сейчас в Италии, там на два часа меньше. Да, он мог позвонить мне в одиннадцать вечера. Только он ли это? Могли ведь и ошибиться номером, в конце концов».

Кирилл был бизнесменом. Они прожили с Викторией четыре года, – можно было написать «душа в душу», и, наверное, это было бы правдой. Развела их ее работа. Как и подавляющее большинство российских мужчин, Кирилл считал написание романов странным занятием, и ему не хватало такта держать свое мнение при себе. Он был готов обеспечивать Викторию всем, что ей необходимо, и искренне не понимал, почему такая безоговорочная зависимость от него не вызывает у нее энтузиазма. В конце концов нашлись энтузиастки, готовые отказаться от всего ради щедрого содержания, и Кирилл ушел. Виктория не стала его удерживать – она не умела или не хотела бороться за кого бы то ни было. Возможно, это была обыкновенная гордость. Но гордость – несовременное качество; она мешает жить в современном мире. В любом случае из-за гордости Виктория теряла не первого мужчину в своей жизни.

«А, да пошли они все к черту», – внезапно разозлившись, сказала она себе и стала расстегивать молнию на платье. Это был очень сложный и трудоемкий процесс, если заниматься им в одиночку, потому что молния была вшита таким образом, что самой ее было практически невозможно расстегнуть. И Виктория едва не сломала замок, дернув рукой, когда кто-то внезапно позвонил в дверь.

«Убью, – сердито подумала писательница. – Нет, хуже. Вставлю в роман в качестве трупца. Расчлененного».

Как и многие писатели, Виктория была очень злопамятна по отношению к тем, кто успел чем-либо ей насолить.

Однако на пороге стоял человек, которого она прежде уже здесь видела. И стоило признать, что он не вызывал у нее никаких отрицательных эмоций.

– Ну, что еще? – неприветливо спросила она.

Никита потупился. У него был немного сконфуженный вид, словно он ожидал, что его прогонят, и Викторией невольно стало смешно.

– Я забыл вернуть вам майку, – напомнил он. – Вот. Чуть не уехал, и...

Виктория посмотрела на признание в любви Парижу, написанное на его груди, и перевела взгляд на лицо Никиты.

Само собой, дело было вовсе не в майке; он не уехал потому, что не хотел уезжать – или, может быть, просто не хотел возвращаться к своей журналистке. А тут совсем рядом молодая

женщина. Даже скажем: интересная молодая женщина. И вроде бы одинокая, так чем он рискует?

Конечно, Виктория имела полное право возмутиться, удивиться, поставить его на место, наконец. И если бы он был лет на двадцать старше или попросту физически непривлекателен, Виктория так бы и поступила. Или если бы вдруг зазвонил телефон и мужчина, о котором она думала, сказал бы, что он думает о ней.

Но телефон не зазвонил, а пространство, в котором она знала каждый уголок, каждую пылинку, свилось вокруг нее кольцом, мешая дышать.

...И вообще, она никому ничего не должна.

– Входите, – сказала наконец Виктория. – И помогите мне расстегнуть эту чертову молнию. А потом, так уж и быть, мы займемся вашей майкой. И всем остальным.

Глава 9

Она лежала в подворотне мертвая, и, как и все трупы, чем-то до жути напоминала сломанную куклу. Туфля с красной подошвой свалилась с ее ноги и лежала рядом. Зубы были страдальчески оскалены, одна рука подогнута под тело. Вокруг убитой натекла небольшая лужа крови.

В нескольких шагах от трупа стояли двое представителей закона. Первому было лет двадцать, и, судя по его лицу, он отчаянно трусил. Вторым, старшим лейтенантом, позевывая, раскуривал сигарету. На убитую он даже не смотрел.

– Следак идет, – сказал он, заметив Антона, и сплюнул.

Следователь приблизился. Старшего лейтенанта, которого звали Чигиркин, Антон знал и приветствовал его рукопожатием.

– Ну, что сегодня? – спросил Антон.

– Бабу какую-то замочили, – ответил Чигиркин и с отвращением покосился на убитую, словно она умерла нарочно, чтобы досадить лично ему. – Возись тут теперь, блин.

– А эксперт где?

– Хрен его знает. У него вчера сын женился. Отсыпается после пьянки, наверное.

Это только в кино, едва происходит убийство, вся бригада криминалистов с собакой во главе (которая по ходу фильма разве что сонеты не пишет) срочно выезжает на дело. В жизни же все обстоит куда скромнее: грязная подворотня, светлый плащ с пятнами крови, застывший взгляд и завитые волосы, которые перебирает ветер.

И Чигиркин с сигаркой.

И он, следователь, который должен расследовать гибель неизвестной, убитой непонятно зачем неведомо кем.

Антон поймал взгляд молодого сержанта, который зябко ежился на осеннем ветру, и вздохнул.

– Начнем, – сказал он. – Кто она такая?

Чигиркин высказался в том духе, что лично ему это неизвестно, хотя он допускает, что убитая занималась довольно предосудительным ремеслом. Впрочем, он выразил свою мысль вовсе не на литературном русском языке.

– При ней ничего нет? – допытывался Антон. – Документов, паспорта?

Чигиркин выразительно покосился на сержанта.

– Я ее не трогал, – поспешно ответил тот.

– Сумочки никакой рядом с ней не валялось? – спросил следователь.

– Нет. Наверное, бомжи подтибрили. Суки.

И старший лейтенант снова сплюнул.

– Кто нашел тело?

– Собачница какая-то. Верещала, что даже с собакой на улицу выйти невозможно, куда смотрит милиция. Всю душу из меня вынула. Я ее обратно домой отправил. Если захочешь с ней поговорить...

– Потом. Она, часом, не знает убитую?

– Говорит, что нет. И прежде ее вроде бы здесь не видела.

Чигиркин докурил сигарету и отбросил окурочок. Но тут во дворе появился эксперт Сухов (он же по совместительству и фотограф), который имел слегка помятый вид.

– Привет всем, – промямлил он. – Что тут у нас? Пупсики и трупсики?

Насвистывая, он принялся фотографировать тело и место преступления. Чигиркину кто-то позвонил на мобильный, и лейтенант стал ожесточенно спорить со своим невидимым собеседником. Судя по тону беседы, это была его жена.

– Говорю я тебе, не могу, сейчас не могу... Да, трудно! Какая, на хрен, дача? Твоя мать что, не может потерпеть до субботы? Я же сказал, что отвезу ее в субботу! Вот ё...

Антон, которому все это надоело, подошел к эксперту.

– Вы уже закончили с фотографиями? Я хотел бы осмотреть тело.

– Сколько угодно, молодой человек, – ответил Сухов. – В принципе и без осмотра понятно, что дамочка была при деньгах. По этой причине или по какой другой ее и зарезали. – И он сердечно улыбнулся, словно отвесил невесть какой комплимент.

– С чего вы взяли, что она была при деньгах?

– А вы взгляните на туфли, молодой человек. К вашему сведению, пара таких туфелек стоит больше, чем ваша или моя зарплата. Плащик тоже имеет вид вполне модельный, хотя убийца бессовестно испортил его товарный вид.

– Думаете, ее хотели ограбить? – нерешительно спросил Антон.

– Думаю, мне это совершенно безразлично, – честно признался эксперт. – Так сказать, до матовой лампочки. Вам интересно – вы и выясняйте.

В тоне его сквозило добродушное пренебрежение. Конечно, Антон поступил на работу совсем недавно и еще не успел обзавестись тем запасом черствости, который позволял его коллегам относиться к любому происшествию как к привычной рутине, и только. Каждое свое дело он принимал слишком близко к сердцу – или, по крайней мере, слишком серьезно. Кроме того, он был добросовестен, скрупулезен и старался не упускать ни единой детали. И все же он не мог не признать тот факт, что это расследование ему приходится начинать почти что с чистого листа.

«Послать оперов опросить жителей домов, может, кто что видел... Поискать инвалидов, сидячих больных, которые проводят целый день у окна... И обязательно установить личность жертвы. Дня через три можно будет проверить заявления о без вести пропавших... Или не ждать, а взяться за окрестных бомжей и найти сумочку? Если, конечно, ее забрали именно бомжи... а не тот же Чигиркин, к примеру».

Антон подошел к убитой, достал из кармана одноразовые перчатки и стал их натягивать. Чигиркин посмотрел на него с насмешкой, покачал головой и отвернулся.

– Старается следак-то, – сказал он вполголоса сержанту. – Во чудной!

Антон присел возле трупа на корточки, посмотрел в невидящие глаза. Было, наверное, уже темно, когда она проходила этой подворотней, и именно здесь ее подстерег убийца. Он ударил ее несколько раз, а потом...

А может быть, не подстерег, может, он шел за ней, выжидая удобный момент, и здесь нагнал и бросился на жертву. Антон осторожно перевернул тело на спину.

Грудь вся в рваных ранах, плащ порезан и залит темной кровью. Сколько же раз ее ударили? Восемь? Десять?

Он почувствовал, как тошнота подступает к горлу, и задержал дыхание. Погибшей лет тридцать пять, может быть, чуть меньше или чуть больше; не красавица, не уродина, просто женщина, которая вчера еще смеялась, и дышала, и любила кого-то, и жила. На запястье под рукавом плаща что-то тускло блеснуло, и Антон увидел золотые часы. Чутье не обмануло эксперта Сухова: у дамы явно не было проблем с деньгами. Антон приподнял другую руку убитой, которая до того была подогнута под тело, посмотрел на пальцы. И тут золотое кольцо, сверкающее драгоценными камнями. Любопытно.

Но любопытнее всего было, конечно, кто же она такая, а кольцо этого ему не скажет. Ни на что особенно не надеясь, Антон обыскал карманы плаща и в одном из них нашел скомканный магазинный чек.

«Уважаемая Екатерина Андреевна! На вашей дисконтной карте № 765987668156 накопилось 2956 баллов...»

Он разгладил чек, прочитал название известной сети супермаркетов и воспрянул духом. Ее звали Екатерина Андреевна, она ходила в магазин и, возможно, все-таки жила где-то неподалеку. Потому что супермаркет, в котором выбили чек, находился как раз в конце улицы.

– Что там? – не выдержал Чигиркин.

Когда следователь поднялся на ноги, вид у него был на редкость сосредоточенный.

– Это не ограбление, – сказал он. – У нее на запястье золотые часы.

Молодой сержант пугливо покосился на него и отвел глаза. Оказавшись на месте преступления прежде остальных коллег, он не устоял перед соблазном и снял золотую цепочку с кулоном с шеи жертвы. Оказалось, продешевил, – часы, которые наверняка стоили куда дороже, он не заметил.

– Думаете, это мировой заговор? – прищурясь, ехидно спросил эксперт Сухов.

– Думаю, что мне не мешает заключение судмедэксперта, – ответил Антон. – А без ваших замечаний я вполне могу обойтись.

Но эксперта Сухова было не так-то легко поставить на место.

– Как скажете, Антон Петрович, как скажете, – пропел он. – Вы тут главный, и все мы находимся у вас в подчинении.

– Сделайте одолжение, Иван Дмитриевич, поищите лучше орудие убийства, – ответил Антон устало. – А вы оба возьмите в подмогу участкового и обойдите квартиры. Может быть, кто-то что-то видел или слышал, чем черт не шутит... Я пока подожду здесь до приезда машины, а потом допрошу собачницу, которая нашла тело.

Чигиркин скривился. Он ненавидел искать свидетелей еще больше, чем свою тещу, которая целыми днями ходила с поджатыми губами и втихомолку пилила дочь, почему та вышла замуж за мента, а не за ларечника Леву из третьего подъезда.

– Если даже кто что и видел, все равно ничего не скажет, – буркнул лейтенант. – Надо бы узнать, кто она такая, да прошерстить ближний круг, может, кто имел на нее зуб.

– А если это псих какой-нибудь? – подал голос молодой сержант. – Такое ведь тоже может быть?

– Типун тебе на язык, – проворчал Сухов. – Тогда нам вообще жизни не дадут.

Лейтенант Чигиркин оглянулся на огромный дом, жителей которого ему предстояло опросить, покосился на сопляка-следователя, который был горазд только придумывать себе и им лишнюю головную боль, и в очередной раз с тоской подумал, что родился не на той планете. И ведь знал же он, что все будет зря и поиски свидетеля закончатся ровно тем же, что и попытки тещи вырастить розы на их дачном участке, то есть совершенно ничем. Да и вообще, что это дело сдохлой дамочкой в подворотне обернется очередным висяком, глухарем, нераскрытым убийством, потому что никого Антон не найдет, а если у дамочки обнаружатся влиятельные друзья, то вдобавок ментов еще и как следует смешают с грязью в прессе. И, понимая все это, Чигиркин тем не менее покорился следаку и, взяв с собой сержанта Лавочкина, пошел опрашивать жильцов. Раз другая планета ему все равно не суждена, придется заниматься на этой тем, что ему предначертано судьбой.

Глава 10

– Мне очень жаль, – сказала Вероника, – но ваша статья нам не подойдет.

Журналистка, худенькая молодая женщина с веснушками на вздернутом носу, заерзала на стуле.

– Почему не подойдет? Вы же одобрили план статьи, который я вам посылала... И я специально искала материалы! В чем дело?

– Ваша статья, – поучительно сказала Вероника, постукивая ручкой по столу, – слишком депрессивная для нашего издания.

– В каком смысле? – растерялась журналистка.

– Ну, вы сами посмотрите, что у вас выходит, – снисходительно пояснила Вероника. – Брата княжны Натали, вашей героини, расстреляли...

– Сбросили в шахту, – сердито уточнила собеседница. – Во время революции.

– Пусть так, – вздохнула Вероника. – Расстреляли отца вашей героини, извините. Потом она с матерью эмигрировала в Париж, потом у нее был один брак, неудачный, в Америке второй брак, тоже неудачный, в конце жизни она много пила, почти ослепла и в конце концов покончила с собой, причем это удалось ей даже не с первой попытки. – Вероника развела руками. – Где тут положительное начало? Где оптимистичный посыл для наших читательниц? Это, простите, похоже на беспросветные романы русских классиков и...

– Минуточку, – перебила ее журналистка, которой, похоже, уже море было по колено. – Я заранее предупредила вас, о ком буду писать! Натали была признанная красавица, фотомодель, ее первый муж – знаменитый модельер – Люсьен Лелон... Но я же вам сказала, что у нее не было легкой судьбы! И вы одобрили план статьи, между прочим!

Положительно, случай выдался очень тяжелый. Вероника покачала головой. Как можно быть такой упрямой и, главное, такое непонятливой?

– Я не могу принять ваш материал, – заявила она, – потому что его тон неверен.

– Ну да, неверен, – передразнила ее собеседница. – А как про минет писать, так все вам подходит, да?

– Извините, – ледяным тоном промолвила Вероника, – по-моему, у вас какие-то личные проблемы, которые вы пытаетесь выместить на мне. Должна вам сказать: такие авторы мне не нужны.

Журналистка встала.

– Статью я все равно отдам в другой журнал, – сказала она звенящим от злости голосом. – А вы пишите и дальше про оральный секс, пишите. Это ведь так оптимистично!

Зазвонил сотовый. «Никогда больше не буду встречаться с авторами, – подумала оскорбленная Вероника. – Отныне – только телефон и переписка по электронной почте. Хватит с меня их выходов».

– Сука! – донеслось до нее от двери, и журналистка вышла, что есть силы грохнув дверь.

От неожиданности Вероника даже уронила сотовый на стол. Номер, высветившийся на дисплее, был ей незнаком. «Это что еще такое?» – неприязненно подумала она.

– Слушаю вас, – сухо сказала она.

– Вероника Брагина? – осведомился незнакомый мужской голос.

– Да. Кто это?

– Антон, – мужчина назвал фамилию, которую она не расслышала. Что-то вроде Поле-таев. – Я расследую убийство Екатерины Бородиной.

– Извините, я такую не знаю, – поспешно пробормотала Вероника.

– Ее девичья фамилия Корчагина, – ответил следователь. – Екатерина Корчагина. Она ваша бывшая одноклассница.

... Вот так номер! Верно, фамилия Катькиного третьего мужа – Бородин... только для Вероники, конечно, она всегда оставалась Катей Корчагиной.

– Как? – пролепетала Вероника. – Ее убили?

– К сожалению, да.

– Но кто это сделал?

– Мы ищем. Скажите... – Следователь замялся. – У меня есть к вам несколько вопросов. Вы могли бы к нам подъехать?

– Но я не знаю, чем могу вам помочь... – пробормотала Вероника.

– Нам известно, что Екатерина Бородина должна была находиться в Лондоне вместе с мужем, – пояснил невидимый собеседник. – Но когда от вас поступило приглашение на вечер встречи одноклассников, она приехала в Москву, и...

– Послушайте, – заторопилась Вероника, – вечер устраивала не я, а мой брат Сергей и его жена Вера. Это во-первых... А во-вторых, я не знаю, кто вам дал эту информацию о Кате...

– Ее бабушка, которая живет в Москве.

– Ну так вот, она многого вам не сказала, может быть, потому, что не знала или не хотела посвящать вас в подробности. В общем, Катя последнее время очень плохо жила со своим мужем. Они собирались развестись. В лондонском доме Арсений поселил свою любовницу, Катя с ней поругалась, и... короче, ей все надоело. Тут позвонила я, сказала, что мы устраиваем вечер встречи одноклассников, и Катя обрадовалась, что сможет переменить обстановку, немного развлечься. Вот поэтому, собственно, она и приехала в Москву.

Пауза. «Что он там делает? – подумала Вероника. – Спит, что ли? Или связь глючит?»

– Алло! – на всякий случай сказала она.

– Вероника, если уж мы заговорили о муже Бородиной... – Следователь вздохнул. – Катя сказала о разводе как о деле решенном или...

– Совершенно решенном.

– А она случаем не упоминала, сколько денег собирается потребовать по разводу? Насколько я знаю, ее муж – человек небедный.

– Она говорила, что будет разводиться в Англии, – ответила Вероника, – потому что там законы полностью на ее стороне. И еще она смеялась, что... – Брагина замялась. – Ну, это была шутка, конечно... но она заявила, что вытасчит у Арсения последнюю резинку из трусов.

– То есть, – уточнил следователь, – она собиралась его, хм, раздеть?

– Ну да. Но они прожили вместе много лет, она имела на это право.

– Боюсь, со смертью все ее права закончились, – дипломатично заметил следователь. – Спасибо, Вероника Игоревна. Наверное, вам и в самом деле не стоит подъезжать в прокуратуру. Но вы мне очень помогли.

– Если вам еще что-то понадобится... – Вероника замялась.

– Да, конечно. Я вам позвоню. Всего доброго.

...И вот так просто: нажимаешь на кнопку отбоя, а внутри тебя – тоскливая пустота.

Кто же убил Катю? И главное, за что?

– Тук-тук! – В дверь заглянул главный редактор Федор Радзиевич. – Пойдем пить кофе?

Но Вероника, к его удивлению, только покачала головой:

– Не сейчас, Федя. Позже, хорошо?

– Чего случилось-то? – Федор уже вошел и присел на ее стол. По жизни главный редактор был обаятельный пофигист. Он обладал даром заражать окружающих хорошим настроением, и даже когда все не ладилось, Федор излучал уверенность и оптимизм. Вот и сейчас, хотя на душе у нее скребли кошки, Вероника поймала себя на том, что невольно улыбается.

– Мне следователь звонил.

Главред сделал большие глаза и вытянул губы трубочкой.

– Тю! Что еще за следователь, душа моя? Что ему от тебя надо?

- Он меня про вечер спрашивал. Помнишь, я собирала бывших одноклассников?
- И что?
- Одного человека, который был на этом вечере, убили. Женщину. Федор посерьезнел.
- Ну допустим. А ты тут при чем?
- Да ни при чем, конечно, – ответила Вероника. – По-моему, он и сам еще не разобрался, что к чему, и просто собирает сведения. – Она немного помолчала. – Катя разводиться хотела.
- Похоже, развод отменяется в связи с тем, что ее муж овдовел, – ухмыльнулся главред.
- Не шути так, – жалобно попросила Вероника. – Она очень много денег собиралась у него отсудить. А теперь ее нет.
- Думаешь, ее шлепнул муж? – поинтересовался Федор.
- Не знаю. Может быть.
- Нас это в любом случае не касается, – объявил главред, слезая со стола. – Пошли лучше кофе пить.
- Вероника поднялась со стула.
- А, да, – спохватилась она. – Помнишь журналистку, с которой ты меня познакомил?
- Это та, что в другой редакции сидит, этажом ниже? – зевнул Федор. – Да, помню. У них не журнал, а дурдом какой-то. Она меня попросила дать ей подзаработать, опять же, деньги нужны, то да се. Как ее статья, кстати?
- Я ее завернула, – объяснила Вероника. – Она нам не подходит. А эта журналистка... не знаю, что на нее нашло. Она оскорблять меня стала! Дверью хлопнула!
- Федор почесал нос. В глазах его мелькнули смешинки.
- Сколько знаков в статье? – внезапно спросил он.
- Пятнадцать тысяч. Двадцать... Не помню.
- Ну ты даешь, душа моя, – пожал плечами Федор. – Заставляешь человека написать не то пятнадцать, не то двадцать тысяч знаков, потом говоришь ему, что материал не годится, и ждешь, что он кинется тебе на шею от радости. Так вообще-то не делают.
- При чем тут это? – возмутилась Вероника. – Ее статья – это не пойми что! Чего там только нет – и революция, и расстрелы, и какие-то бросания в шахты... Зачем нам это нужно, скажи? Я думала, она даст гламурный материал про знаменитую русскую красавицу, законодательницу моды, всякое такое. А там про несчастную женскую судьбу, неудачные романы... Я могу тебе переслать, прочитай, это совершенно не наш формат!
- Верю тебе на слово, – примирительно сказал Федор, – но на будущее запомни: надо просить подробный план и внимательно его читать. По плану уже видно, какой будет статья. Не надо заставлять человека делать лишнюю работу.
- Вероника надулась.
- Ты говоришь так, как будто я совершенно не разбираюсь в своем деле, – сказала она сдержанно. – В этом случае мой брат не поставил бы меня на эту должность. А ведь, между прочим, он один из главных наших спонсоров. И вообще, с некоторыми авторами очень тяжело работать. Они себя ведут, как будто...
- Но Вероника не успела закончить фразу, снова зазвонил телефон.
- Извини, – сказала она Федору и взяла трубку. – Да? Вера, он тебе тоже звонил? Да, я уже знаю о Кате. Этот следователь спросил меня об Арсении, я ему ответила... Не знаю, надо ли было ему говорить. Он ведь мог решить, что это Бородин заказал жену из-за денег.
- Да ладно тебе, – отмахнулась Вера. – Не ты, так кто-нибудь другой все равно бы ему об этом сказал.
- Ты знаешь, как это произошло? – спросила Вероника. – Я имею в виду, мент говорил тебе, как... – Она запнулась.

– Похоже, Катька шла домой из магазина, – объяснила Вера. – Через два дня она собиралась улететь в Лондон и начинать бракоразводный процесс. Ну и... на нее напали. Первыми тело нашли бомжи, забрали сумочку и покупки, но их потом прижали и заставили почти все вернуть. Правда, деньги они уже потратили, а еду сожрали. – Ее голос дрогнул. – Господи, я ведь совсем недавно ее видела, она такая веселая была...

– Может, это бомжи Катю... того? – нерешительно спросила Вероника.

– Сергей навел справки, – ответила Вера. – Бомжи стоят на своем: они ее не трогали, обобрали только, когда она уже мертвая была. Да, еще менты орудие убийства нашли, или как там это называется. В общем, следствие продолжается.

– Кошмар, – подавленно сказала Вероника и замолчала. – Знаешь, все это напоминает дурацкий Викин роман «Призраки забытого лета». Там тоже был вечер встречи одноклассников, и после него убили одну из присутствующих на балу.

– Это, Ника, не роман, а жизнь, – вздохнула Вера. – Кстати, интересно, а следователь уже с Викторией говорил?

Глава 11

– Заходите, пожалуйста.

Унылый казенный дух, крошечный кабинет с голыми стенами, на полу – полинявшая от времени красная дорожка. Возле окна стол, и за столом – человек.

Вот, собственно, и вся обстановка.

Человек, бывший частью обстановки, оказался очень молод, с торчащими во все стороны русыми непокорными волосами и внимательными глазами. Выражение лица у него было застенчивое и в то же время умное. Такие лица часто бывают у примерных студентов – а, судя по возрасту следователя, он только вчера был студентом.

– Можно ваш пропуск?

Виктория протянула ему листок с печатью и села. Стул тоже был казенный, жесткий, с обивкой невнятного цвета. Следователь бросил на Викторию быстрый взгляд и стал перебирать какие-то бумаги.

Она не ощущала даже тени волнения. Ей казалось забавным, что волею случая она попала почти что в обстановку собственного романа. И, так как следователь не спешил начать разговор, она украдкой стала его изучать.

Интересно, что за человек этот А. Помогай, который так хотел с ней встретиться?

Она покосилась на стену, на которой выделялись два прямоугольных пятна посветлее, чем остальная часть обоев. Значит, здесь что-то висело, какие-то портреты или календари, которые он снял, заняв этот кабинет. Но вместо них А. Помогай ничего не повесил.

На его столе не было ни единой фотографии, ни одной газеты, никаких лишних предметов, на подоконнике не стояло ни одного горшка с растениями, и вообще в поле ее зрения не оказалось никаких личных вещей, ничего, что говорило бы об А. Помогаете как о человеке. Как будто в его прошлом и настоящем не было ничего, что он пожелал бы привнести в этот кабинет, чтобы сделать его частью себя и хоть как-то приручить казенное пространство.

Стул следователя скрипнул, и Виктория увидела устремленные на нее светлые глаза.

– Наверное, мне надо прежде всего представиться, – сказал он. – Меня зовут Антон Петрович Помогай.

Он выдержал паузу, и Виктория сообразила, что, должно быть, прежде ему пришлось послушаться немало однотипных замечаний по поводу своей фамилии.

«Да что вы! Помогай! Ничего себе! Какая интересная у вас фамилия! Скажите, а мне вы можете?»

Но ни одну из этих фраз она не произнесла, терпеливо дожидаясь, что будет дальше.

– Наверное, вы уже знаете, почему я захотел с вами встретиться, – продолжал следователь.

– Из-за убийства Кати Корчагиной? – спросила Виктория.

– Собственно, по мужу она Бородина, – на всякий случай уточнил Антон Помогай. – Да, из-за нее. Откуда вы узнали о ее убийстве?

Ей позвонила Вероника, а потом еще Коля. Ну и, наконец, в новостях был сюжет на эту тему.

– По телевизору упоминали. И еще кто-то из знакомых позвонил.

Антон кивнул, словно ожидал услышать нечто подобное.

– Когда вы видели жертву в последний раз?

– На вечере встречи. Кое-кто из нашего класса решил собрать бывших учеников, и она тоже там была.

– Скажите, какой вы ее запомнили? Какая она была на том вечере?

– Веселая, глупая и счастливая, – ответила Виктория. В сущности, это было правдой, но она с любопытством ждала, какое впечатление произведут на следователя ее слова.

– Поясните, пожалуйста, – тихо попросил Антон.

– Она веселилась, болтала глупости и выглядела абсолютно счастливой, – не стала перечить Виктория. – Если вы думаете, что она говорила о своей возможной смерти или намекала на каких-то врагов, которые желают ее гибели, то вы ошибаетесь.

– На вечере она ни с кем не ссорилась? – спросил Антон.

– Насколько я помню, нет.

– Не упоминала о том, что собирается разводиться с мужем?

– О муже вообще не было сказано ни слова. Будто его в природе не существует. По крайней мере, лично я не слышала, чтобы она о нем упоминала.

– Скажите, а в школе... – Антон сделал паузу. – Вы с ней дружили?

– Нет.

– После школы?

– Тоже нет.

– То есть вы не видели ее много лет, верно?

– Именно так.

«Интересно, – подумала Виктория, – к чему он ведет?»

– Как вы думаете, кто мог желать ее смерти?

Виктория поглядела в окно.

– Есть мнение, – уронила она, – что это мог быть муж, который не хотел делить имущество.

– У ее мужа стопроцентное алиби, – усмехнулся Антон. – Когда произошло убийство, он находился в Лондоне.

Виктория поморщилась. «Значит, это точно он».

– Насколько я понимаю, – сдержанно ответила она, – современным бизнесменам вовсе не обязательно мараться самим, чтобы отделаться от тех, кто мешает им жить.

– И это тоже верно, – не стал спорить Антон. – Как я понимаю, вы пишете детективные романы?

– Вы правильно понимаете, – ответила Виктория. – Только давайте сразу же условимся. Детективный роман, как сказал мистер Честертон, «самая игрушечная из всех игрушек». И к действительности он имеет очень мало отношения, потому что в реальной жизни убийство – одна из самых гнусных и отвратительных вещей. А в романе – это всего лишь один из элементов повествования, на котором строится сюжет.

– Я вовсе не собираюсь предъявлять вам претензии, что вы, – усмехнулся следователь. – Скажите, а «Призраки забытого лета» – это тоже ваша книга?

– Да.

Антон как-то криво улыбнулся, выдвинул ящик стола (который застрял в пазах и туго поддавался) и вытащил из него томик в мягкой бледно-зеленой обложке. Виктория сразу же увидела, что в нем торчали две закладки.

– Если вы не возражаете, я хотел бы поговорить с вами об этом романе, – продолжал следователь. – Прежде всего насколько он правдив?

– То есть? – озадаченно спросила Виктория.

– Есть ли в сюжете какие-то элементы... ну, не знаю, персонажи, истории, которые имели место в реальности? Кое-кто из ваших одноклассников, к примеру, решил, что главный злодей Дима – это ваш одноклассник Шульгин.

– Главный злодей Дима, – устало выдохнула Виктория, – выдуман мной от начала до конца. Тот Дима Шульгин, с которым я училась, не имеет к нему ни малейшего отношения. Кроме того, я после школы ни разу его не видела.

– И вы не знаете, что с ним стало?

– Мне сказали, он пошел в монахи.

Антон бросил взгляд на лист, который лежал перед ним на столе. Только теперь Виктория разглядела, что это список каких-то имен и фамилий.

«Это же наш класс... – в неожиданном озарении сообразила она. – У него на столе список учеников нашего класса. И он спрашивает меня о моем романе, который начинается с вечера встречи одноклассников... Зачем? Что тут творится, в конце концов?»

– Да, он монах в одном из подмосковных монастырей, – подтвердил Антон. – Значит, герой не имеет к нему никакого отношения... Что ж. А как насчет остальных персонажей? – внезапно спросил он.

И увидел, что Виктория смотрит на него совершенно злыми глазами.

– Это художественное произведение, – отчеканила она. – То есть вымысел от первого до последнего слова. Если вам угодно – чистой воды вранье.

– В романе ваш герой использует вечер встречи, чтобы затем свести счеты с теми, кто его когда-то обидел, – невозмутимо продолжал Антон. – Это тоже выдуманная ситуация, которая не имеет никакого отношения к реальности? Никто из ваших одноклассников никогда вас не обижал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.